

# Юрий Абожин

## Конец карьеры

### Толик и Санька

Толик знал, что Санька любит приврать.

Но такого, что сказал сейчас Санька, кажется и не придумаешь...

Мальчишки, которым было по двенадцать с небольшим, дружили с первого класса. Толя высокий, худой, темноволосый, с пытливыми черными глазами, был на несколько месяцев старше друга. Но тот не признавал этого. И если поточнее разобраться, так скорее Толя был под влиянием рыжего с облупленным и конопатым носом Саньки.

Они только что ловили бычков, вода еще прохладная, и, чтобы согреться, ребята поднялись на скалу и устроились на теплых камнях. Под ними плескалось море, убежавшее густой синевой к горизонту, где сливалось с мягкой лазурью неба. Слева на берегу бухты раскинулся город, у пирсов, белевших умытым бетоном, стоят корабли пограничников. Справа берег моря скрыт скалой. Если забраться туда, то увидишь пионерский лагерь, куда вскоре поедут Толик и Санька, — зеленые островки, отрезанные от суши широкой полосой воды, а дальше синеют высокие сопки, они там подступают к самому берегу моря. Но на эту скалу ни Толик, ни Санька в последнее время не ходят. На это есть свои причины. Совсем недавно с этой скалы бросилась вниз и разбилась старшая сестра Сани.

Санька переполз по камню выше, где теплее, и лег на спину. Толик устроился рядом. Санька приподнялся на локте и, взглянув на друга, спокойно заметил:

— Я вчера булавку проглотил.

Толик открыл рот и сделал круглые глаза, от чего Санька прыснул.

— Железную?

— Деревянные не бывают булавки, — резонно ответил Санька, снова откидываясь на спину. — Ею раньше Надя юбку застегивала.

— Как это ты ее? — испуганно опросил Толик.

— Да я ее во рту держал, а отец как дверь хлопнет. Она дрык. И проглотилась. Я матери не говорил. Что ее расстраивать. А то, знаешь, опять слезы...

— А вдруг она там растянется? Головка заржавеет, ну и...

— Не-е. Не успеет заржаветь. Я шарики от подшипников глотал, так они не ржавеют.

— То шарики. Они же круглые. А тут булавка. Вот если бы ее за нитку привязать, так можно бы вытянуть.

— Что я знал? Не успел глазами хлопнуть, как она пошла. Только чувствую — холодная. Отец смотрит на меня и спрашивает: «Ты что глаза вытарачил?» Я говорю, что сами вытарачились, и думаю — сейчас бы икнуть, чтобы она обратно выскочила, да не икнулось.

Толик во все глаза смотрел на товарища. Нет, Санька на этот раз не врет. Если бы и придумал, так складно все равно не рассказал бы. Вот он, Толик, никогда булавок не глотал. Да и не то что булавок — и шариков. А он ведь постарше и в школе учится лучше... Толик отвернулся и стал смотреть на море. Где-то там, за голубой линией горизонта, его отец. Завтра должен вернуться. Может он что-нибудь расскажет интересного, тогда можно будет удивить Саньку. А то задается со своей булавкой!

Но Санька на этот раз не задавался. Вспомнив про булавку, он опять немного струсил.

Все же острая. Вдруг расстегнется? Глядя на искрившееся на солнце море, он прислушивался — как там, в животе? Вроде пока все нормально.

— Мне папа подарил золотого краба с мичманки, — вспомнил Толик. — Только он уже позеленел от морской воды.

— А у меня тоже такой был. Я его на перочинку сменял.

Толик ничего не ответил, и Санька замолчал. Они стали снова рассматривать большой военный корабль, который утром пришел сюда. Таких кораблей Санька с Толиком еще не видели. Они с самого утра рассматривали его и налюбовались вдоволь, но оба так и не решили, как же он называется. Решили спросить у отца Толика, когда он вернется.

Толик неожиданно толкнул Саньку в бок и шепотом сказал:

— Смотри!

Санька проследил за его взглядам и увидел на скале, выше того места, где они лежали, человека, привалившегося к камню. Во рту его торчала дымившая папироса, и он почему-то еще и еще раз прикуривал, щелкая зажигалкой. Но подносил ее не к папиросе, а вроде бы к глазу.

— На корабль наводит, — шепотом отозвался Санька.

— Что наводит?

— Ну, зажигалку эту.

Санька осторожно соскользнул с камня и потянул за собой Толика. Они спрятались так, на всякий случай, и продолжали наблюдать. Но вот человек насторожился, посмотрел по сторонам из-за камня, который закрывал его сзади, и стал пробираться к площадке на скале, с которой упала сестра Сани.

Когда он скрылся из вида, Толик спросил:

— А что он делал?

— Не знаю, — пожал плечами Санька, продолжая смотреть в ту сторону, куда ушел человек. Потом посмотрел на корабль, серой громадой стоявший напротив скалы.

— А почему мы тогда спрятались? — снова спросил Толик.

Но Санька и сам не понимал, зачем им нужно было прятаться. Просто показалось, что человек занимается чем-то недозволенным, странным, если он озирается по сторонам и, видимо, старается быть незамеченным. Зачем прячется? Санька хотел было залезть на камень, но тут увидел, что над тем местом, где сидел человек, стоит кто-то.

— Опять пришел, — прошептал Толик, которого пугала настороженность друга.

— Это не тот.

— Как же не тот? Он это...

— Видишь же, этот в морской форме, как твой отец.

— А тот? Тоже был в морской.

— Нет...

Толик посмотрел на Саньку, что он, в самом деле, это тот же самый человек. Просто вылез наверх и пришел на старое место.

Человек в морской форме опустил на камень и, обхватив лицо ладонями, так и застыл в этой позе, глядя вниз, на прибой.

Толик потянул друга за рукав.

— Пойдем отсюда. Ну его...

— Это знаешь кто? Это он приходил к нашей Наде... Я забыл, как его звать. Это она из-за него бросилась, мама говорит.

— Ну все равно, уйдем отсюда.

— Подожди, посмотрим, что он будет делать.

Санька, понявший из разговора родителей, что в смерти сестры виноват офицер, с которым она встречалась, по-детски возненавидел его. И вот он сидит тут, чего пришел сюда?

На это самое место... Надо узнать, зачем он пришел. Тот ли это, что щелкал зажигалкой, или другой? Санька уже сам сомневался.

— Может он всю ночь здесь просидит, — недовольно пробурчал Толик. — Так и нам сидеть?

— Ну посмотрим немного. Как в дозор играем...

Солнце садилось за море. От него к ребятам по густой сини воды пролегла бордовая полоса. С моря налетал слабый, но прохладный ветерок. Толик поежился.

— Холодно уже.

— Скажи, что удрать хочешь.

— Да-а! Что мне удирать. Захочу и сам уйду. Лежи здесь один. Что интересного?

— Ладно, пошли.

Саньке тоже надоело смотреть на неподвижно сидящего человека. Ребята спустились ниже, чтобы их не было видно сверху, обойдя камни, вышли на дорогу под скалой и направились домой. Санька придирался к Толику:

— Скажи, что струсил. А еще моряком собирается быть. Таких, как ты, и не возьмут.

— А ты сам, что ушел? Скажешь, просто надоело? Да? Ты тоже струсил, рыжик.

— Это я — рыжик? — подступил Санька к Толику, сузив глаза и приготовив кулаки, как делали ребята с Южной улицы. — Это ты мне говоришь? Да? Я тебе как дам! Только связываться не хочется...

Санька не ударил Толика и не потому, что он его боится, он его совсем не боится, но завтра снова надо будет мириться. Да и мать Толика потом опять будет запрещать им играть вместе. Толик промолчал, ему тоже не хотелось связываться с Санькой, он посильнее, да и договорились они завтра отремонтировать планер и пускать его на сопке. Ребята некоторое время шли молча, изредка поглядывая друг на друга. Потом Санька спросил:

— Что, раздумал планер починять?

— Чего бы я раздумывал. Я же не такой... Приходи завтра.

— Ладно, приду.

Ребята разошлись в разные стороны. Но на душе у Саньки было беспокойно, не из-за чего он на Толика напустился. Он крикнул:

— Толик! Кто старое вспоманет — знаешь?

— Знаю. Я уже забыл.

Санька успокоенный зашагал к дому.

На следующий день вечером ребята встречали на берегу отца Толика. «Охотника» они увидели еще со скалы, на которую забрались. Над ними и под ними косо резали воздух чайки, белогрудые, с изломом крыльев, они мелькали перед самыми глазами. «Охотник» появился на самой черте горизонта как-то внезапно, словно на тарелке.

— Идет! — крикнул Толик, первым увидевший его.

Подождав немного, ребята спустились со скалы и побежали к проходной.

— Папа! А мы тебя давно ждем. Мы видели, как вы подходили.

Санька солидно поздоровался:

— Здравствуйте, Вадим Николаевич.

— Здравствуйте, ребята.

Саньке нравился отец Толика, и в душе он даже завидовал другу. Не у каждого отец пограничник, командир корабля, да еще капитан-лейтенант. Да и кому бы из ребятшек не понравился высокий, плотный моряк, широкоплечий и сильный, который одной рукой выжимал двухпудовую гирию раз двадцать, а то и больше. А Санька и Толик еле-еле отрывали ее от пола.

— Как прошел поход, папа? — сразу начал расспрашивать Толик.

— Поход? Что тебе сказать? Бродили, уютжили море. Никого не встречали, кроме наших судов.

Толя ожидал не этого. Сколько плавает отец, все никого не встречают. Зачем тогда плавают, если границу никто не нарушает? Только время зря убивают. Но вслух он этого не

высказал.

Отец погладил сына по голове, заметил:

— Это хорошо, что никого не встретили и вернулись на базу без происшествий. Значит, все в порядке — граница на замке. А ты что, хочешь, чтобы нашу границу нарушили?

Вечером вся семья была в сборе. Отец в тельняшке сидел на диване и листал журнал. Толик прибежал с улицы, наскоро поужинал и подсел к отцу. Вадим Николаевич обнял его за плечи и отложил журнал.

— Папа, — нерешительно проговорил Толик.

— Да...

— Знаешь, что я тебе хотел рассказать?

— Не знаю, но думаю, что узнаю.

— Мы с Санькой загорали на скале...

— Толя, опять с Санькой, — перебила сына Евгения Михайловна, полная, молодая женщина, с тугим узлом темных волос на затылке. — Сколько раз тебе говорить?

— С Саней, — поправился Толик. — И там на камни пришел какой-то дядька. Санька... Саня сказал, что он его знает, он к ним ходил, к Наде. Он спрятался за камень и зажигалкой щелкал в сторону, где корабль стоит. Папа, как называется этот корабль? Мы с Саней спорили...

— Тот, что на рейде стоит? Крейсер.

— Мы думали, что эсминец, новый. Так этот дядька щелкал, а у самого папирота уже дымилась. Потом он еще оглядывался. Мы с Саней немножко испугались и спрятались.

— Он вас не видел? — нахмурившись, спросил Вадим Николаевич.

— Нет, мы за камнем сидели. Мы ушли, а он еще там остался.

— Когда это было?

— Вчера. Уже под вечер.

— Толя, я не хочу, чтобы вы с Саней ходили на скалы. И мама меня поддержит. Там опасно и можно сорваться, как сорвалась сестра Сани. Давай договоримся, что вы туда больше не будете ходить.

— А Саня один будет ходить.

— Один он не будет. Займитесь чем-нибудь дома. Посмотри, сколько у тебя игр. Мать тебе недавно конструктор хороший купила, собирайте машины. Почините ваш планер.

— А пускать его за домом Марфы Тимофеевны можно? Там на горе и поляна большая. Он далеко летать будет.

— Ну, там — можно. А на скалы не ходите. Договорились?

— Хорошо, папа.

Вадим Николаевич оделся и, сказав, что скоро вернется, ушел. Толик лег спать. Засыпая, он видел себя с Санькой на злополучных скалах. Было темно. За камнями притаился кто-то. Толя знал, что в руках у него пистолет. Человек выскочил из-за камня и крикнул: «А ну, стой!» Толик вскрикнул во сне и проснулся. К нему подбежала мать и тревожно спросила:

— Ты что, сынок?

— Я... ничего, — Толя не помнил сна. Он отвернулся к стене и снова заснул.

## **Зубенко едет в Береговой**

Дом Снегиревых почти весь утопал в зелени. Лишь фасад его голубыми резными ставнями весело выглядывал на неширокую городскую улицу из-за двух разросшихся яблонь, которые посадил еще отец Владимира Сергеевича.

Несколько раз предлагали Снегиреву квартиру в городе, ближе к работе, но он отказывался из-за своей неистребимой любви к природе, к зелени, к деревьям. Небольшой семье Снегиревых смотреть за садом и содержать его в порядке было бы не под силу, если бы не мальчишки — бессменные и добровольные помощники. Собственно, они и делали всю работу по саду под руководством Владимира Сергеевича, когда он бывал дома. Работать в саду

имел право только тот, кто учился без двоек. Это был неписанный закон, который соблюдался свято. Доверие ребятам оказывалось полное, и они этим очень дорожили. Сами и урожай собирали. Владимир Сергеевич неизменно передавал его в школу, где учились его помощники.

Владимир Сергеевич невысок ростом — ниже среднего, сухощавый, несколько сутулый, его голову покрывает густая шапка седых волнистых волос. Он производит впечатление старенького сельского учителя. И когда он трудится со обоими помощниками в саду, наполненном звонкими детскими голосами, соседи, проходя мимо, говорят:

— Опять собрал наш учитель ватагу. Любят же они его.

И взгляд у этого «учителя» открытый, добрый, но некоторым приходится видеть, что эти добрые глаза принимают стальной оттенок, за которым угадывается воля, большой жизненный опыт и твердость характера. Но даже и соседи не знают, где работает Снегирев. Большинство считают, что он и на самом деле учитель, потому что очень редко надевает форму подполковника государственной безопасности.

В этот будний день Владимир Сергеевич получил выходной. А где лучше всего отдохнуть, как не на свежем воздухе. И он с утра вышел в сад. Прошел между рядами груш и яблонь. Они уже отцвели, и некрупные пока плоды наливаются соками. Потом осмотрел ряды малинника и смородины. Кусты очень разрослись, на будущий год надо будет подрезать. А сегодня надо взрыхлить землю вокруг вишен. Скоро прибудут его помощники и вместе с ними он займется вишенками. Он прошел дальше, в конец сада, где они вдвоем с сыном посадили несколько кустарников, еще когда Алексей бегал в школу. Хотелось иметь не только сад, но и уголок настоящей дикой природы. Этот уголок теперь разросся и представлял собой кусок дикого леса. Алексей облюбовал его себе для занятий спортом. Поставил перекладину, сам смастерил брусья и коня для прыжков. Он и сейчас занимался там со своим другом Николаем Зубенко, с которым дружил еще со школы, потом они вместе кончали военное училище.

— А-а, и Николай здесь. Здравствуй.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич. У Алеши здорово получается, а у меня хуже, — признался Зубенко.

Алексей и Николай только что крутили на перекладине «солнце». Алексей в отца — невысок, худ, но с крепко развитой мускулатурой. Николай выше его почти на голову, широк в плечах. Владимир Сергеевич втайне всегда завидовал таким крупным, физически здоровым людям. Ребята сильно загорели. У Алексея загар темно-коричневый, а у Николая — светло-бронзовый.

Владимир Сергеевич сел на скамейку невдалеке.

— Продолжайте, а я полюбуюсь на вас, молодых.

Алексей выполнил на брусьях сложное и трудное упражнение. Потом они занялись с Николаем джиу-джитсу. Николай намного сильнее Алексея физически, и тому довольно трудно бороться с ним. Но Алексея выручали быстрота и ловкость, и порой Николай кричал, сбитый на землю неуловимым, но сильным приемом.

— Молодцы, ребята, — удовлетворенно похвалил Владимир Сергеевич.

Из дома послышался голос:

— Володя! Телефон.

Владимир Сергеевич встал и быстро направился к дому. Через несколько минут «Москвич» вышел со двора Снегиревых. За рулем сидел Алексей. Он притормозил, увидев подходившего к дому паренька.

— Игорек идет, — заметил он отцу.

Вихрастый мальчуган в белой безрукавке подбежал к машине.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Игорь, — сказал Владимир Сергеевич. — Вы тут сегодня без меня хозяйничайте. Взрыхлите землю под вишнями, а потом Валентина Семеновна подскажет вам, что делать.

— Хорошо, Владимир Сергеевич.

— Ну, действуйте.

«Москвич» выехал на улицу и умчался к центру.

Через несколько часов в кабинете Снегирева состоялось совещание. Собралась вся группа подполковника. Сбоку стола сидел, просматривая какие-то бумаги, заместитель Снегирева майор Кондратьев. Он уже, видимо, был в курсе дела и, отодвинув бумаги, стал приглядываться к людям, словно бы видел их впервые. Зубенко пристроился на валике дивана, на диване ему места не хватило. Рядом сидели старший лейтенант Сомов и капитан Князев. Напротив Николая на стуле — Алексей.

Снегирев, нахмутив темные щетки бровей, сосредоточенно рассматривал небольшую карту, иногда вскидывая на офицеров внимательный взгляд темных глаз. Офицеры сидели молча, ожидая, когда заговорит Снегирев. Владимир Сергеевич встал, подошел к карте, висевшей на стене, раздвинул закрывавшие ее шторы и принялся опять разглядывать какой-то пункт на побережье.

— Дело такого рода, товарищи, — повернувшись к офицерам и не отходя от карты, сказал Снегирев. — Всем вам известно, что в Береговом строится крупный судостроительный завод. Строительство его уже подходит к концу. Нашим органам стало известно, что иностранные разведки, в частности — американская, заинтересовались этим заводом. Больше того, они располагают некоторыми сведениями строительства, которые являются государственной тайной. Второе. Сегодня ночью получено сообщение из Берегового о том, что кто-то фотографировал зашедший в бухту крейсер. Перед нами поставлена задача: узнать, каким образом эти сведения просочились за границу, а также обезопасить стройку. Завод должен быть сдан государственной комиссии в конце лета.

Снегирев прошел к столу, сел на свое место. То, что он сообщил, было общей задачей. Сейчас он будет ставить задачи перед каждым в отдельности.

— Человека, который фотографировал корабль, — продолжал подполковник, — видели двое ребят. Один из них сын моего хорошего знакомого капитан-лейтенанта Ершова. Запоминай, Зубенко, это будет твой участок работы. Ты направляешься в Береговой. Тебе нужно установить личность того, кто приходил или еще придет на сопку, откуда велось фотографирование, для этого надо снять квартиру в этом районе. Ребята утверждают, что человек был в морской форме. Вот для тебя пока единственная отправная точка.

Зубенко поручался ответственный участок, и он с благодарностью посмотрел на подполковника. Снегирев перехватил этот взгляд, нахмурился и погрозил пальцем.

— Смотри, Николай. Это еще ничего не значит.

— Есть смотреть, Владимир Сергеевич!

Зубенко понял, что подполковник относится к нему с прежним доверием. Недавно Николай немного погорячился, и по его вине выполнение задания усложнилось. Снегирев временно отстранил его от дела, и он попал в «ученики» к своему другу Алексею.

— Вместе с Зубенко сегодня же вылетают Снегирев Алексей и капитан Сомов. Зубенко будет служить в штабе погранотряда — замещать помощника флагманского связиста, который отбывает в отпуск. Ты служил на флоте радистом, это дело тебе знакомо. Поторопись найти квартиру, удобную для себя, возможно скоро туда придется перебросить еще людей. Твое дело — корабли. Присматривайся ко всему, что может вызвать подозрение. То же самое будут делать Снегирев и Сомов на строительстве завода. Можно предположить, что, если агент существует, он будет стремиться попасть на эти особо важные участки, или уже попал. Вы друг друга не знаете и взаимосвязь не устанавливайте. Держите меня в курсе всех событий на ваших участках. Ты, Зубенко, особенно подчеркиваю — не горячись. Будь хладнокровнее и внимательнее. Я думаю, что старый урок пошел на пользу. Ну вот и все. Самолет вылетает в семь вечера. Можете проститься с семьями. Алексей, скажи матери, что я сегодня еще вернусь. Вопросы есть?

— Нет.

— В хозчасти получите все необходимое.

В Береговой прилетели вечером, и прямо с аэродрома Зубенко на такси поехал в порт. Показав документы в проходной, спросил, где найти начальство. Вахтенный матрос показал:

— Вот то кирпичное здание на пирсе. Там спросите дежурного офицера.

— Понятно.

Зубенко пошел по пирсу в сторону штаба, рассматривая корабли, стоявшие у причалов: большие и малые охотники, сторожевые катера. На них группами собрались матросы, на одном из охотников пели под баян. Николай вошел в здание, от столика двери поднялся офицер с красной повязкой на рукаве. Зубенко показал ему документы, он посмотрел их и вернул обратно.

— Поздновато, товарищ старший лейтенант. Командование отсутствует. Проходите вот сюда, здесь есть кое-кто из офицеров.

Зубенко вошел в просторную комнату, в которой находилось несколько офицеров, и поздоровался. Ему дружно ответили, с интересом рассматривая его. Дежурный по штабу представил:

— Старший лейтенант Зубенко. Для прохождения дальнейшей службы.

Офицеры встали и назвались по фамилиям, крепко пожимая Николаю руку. Дежурный добавил:

— Товарищу, видимо, негде ночевать, а время позднее...

— Это мы устроим, — отозвался высокий и широкоплечий капитан-лейтенант, который назвался Ершовым. Он попрощался с товарищами и сказал Николаю:

— Если не возражаете, приглашаю вас к себе. У меня семья небольшая, думаю, вам будет удобно.

Зубенко согласился без колебаний. Дорогой Ершов расспрашивал Николая, откуда он родом, где служил, на каких кораблях. Николай отвечал то, что значилось в документах. Потом Ершов немного рассказал о себе, о своей семье, и незаметно они дошли до его дома. Дверь открыла невысокая полная женщина и пропустила их вперед. Из комнаты к отцу выбежал черноглазый подросток. Николай понял, что это тот самый мальчик, с которым ему нужно подружиться, чтобы уточнить некоторые детали.

Ершов познакомил его с женой, которая назвалась Евгенией, и представил сына:

— А это — Анатолий. Будущий пограничник.

Мальчик спокойно смотрел на незнакомого офицера.

Николай протянул ему руку.

— Давай знакомиться по-мужски.

— Давай.

Зубенко больше не сомневался, что с Толей они подружатся. За ужином, от которого он не отказался, видя искреннее радушие хозяев, Николай спросил, не знают ли они случайно, где можно найти жилье. Евгения Михайловна ответила:

— Я вот только сегодня услышала, что сдается домик на сопке, но это на отшибе, за городом. Живут там старики, а дом просторный.

— А кто хозяева?

Отозвался Толя:

— Я знаю. Там Марфа Тимофеевна живет и старый Никанорович. А сегодня их там не было.

— И все-то эти сорванцы-мальчишки знают раньше всех, — заметила Евгения Михайловна.

— Интересно, а почему Толя знает, что их там не было? — спросил отец. — Ты что, туда ходил?

— Да не туда. Мы с Саней на скале больше не были. Это мы на поляне за огородами Марфы Тимофеевны играем. Мы там планер пускали. Приделали к нему резиновый моторчик, он знаешь как далеко с горы летает?

— Толя и покажет вам завтра этот дом, — дослушав сына, сказал Вадим Николаевич. — Только хозяев надо увидеть.

— Я сегодня же спрошу у соседки, — откликнулась Евгения Михайловна.

Николай стал извиняться, что из-за него столько беспокойства.

— Это же, право, нетрудно и недолго, — заметил Ершов.

На следующий день Марфа Тимофеевна проводила Николая в дом и показала, где что находится. Он предупредил, что у него, кроме чемодана, ничего нет.

— А здесь все есть, — сказала хозяйка. — Вся обстановка. Вот ваша кровать. Мы несколько дней у дочери еще проживем. Внуки там. А сюда уж больно круто подниматься каждый-то день.

Николай порадовался удачному жилью и поблагодарил хозяйку. Неудобно только, что дом совсем на отшибе, взобрался на самую сопочку. До ближайшей улицы надо пройти метров четыреста по склону вниз.

Когда хозяйка ушла, Николай осмотрелся, подтянул гирьку на стареньких ходиках в простенке между окон, и дом наполнился уютным тиканьем. Из окон дома открывался живописный вид на море. Виден был строящийся завод, кирпичные корпуса цехов, покатые в сторону бухты большие площадки стапелей, на которых, видимо, скоро будут закладывать корабли. Перед заводом — пирсы погранкораблей. Город раскинулся по берегу пологой дугой, ряды каменных светлых зданий, темные крыши... Под одной из них, возможно, живет враг. Перед отлетом Николай просмотрел описание города и теперь старался сориентироваться и запомнить его расположение. По соседству с заводом, на бугре, высилось белое здание с высокой трубой. Это ТЭЦ. Дальше строительный комбинат, кирпичный завод...

Николай отошел от окна и прошел на кухню. Маленьким ковшиком с выгнутой ручкой зачерпнул воды из кадки и напился. Когда вешал ковшик на место, увидел в окно за огородами двух мальчишек, они сидели на траве, склонившись над небольшим планером. Зубенко вышел из дома и огородам прошел к ним. Толя вскочил и поздоровался. Николай ответил и попросил:

— Познакомь меня с твоим другом.

— А это Саня. У него отец рыбак.

Рыжеголовый мальчик тоже поднялся. Николай заинтересовался их планером, и они стали оживленно объяснять, как он летает, как вращается пропеллер от резинового моторчика.

— Только вот он мало летит.

Николай видел, что модель можно улучшить, и предложил натянуть резину потуже. Будет больше отдачи. Ребята согласились, и они пошли к дому, чтобы найти, чем забить гвоздь. Потом пошли на камни. Зубенко спросил:

— Здесь только пограничные корабли?

— Ага, — ответил Толя.

Саня перебил его:

— А здесь недавно большой корабль стоял. Он вот как раз напротив этой скалы якоря бросил.

— Это крейсер стоял, — добавил Толя. — Мне папа говорил. Мы смотрели на него с этой скалы, а тут дядька пришел. Помнишь, Саня, он все прикуривал?

— А где он стоял? — спросил Николай.

— А вон возле того камня. Он не стоял, а сидел. Потом ушел в ту сторону и поднялся вверх. И снова пришел к тому месту.

— Вы его никогда не видели?

— Саня его знает. Он к ним домой приходил. К его сестре. А потом она бросилась со скалы там, где ровная площадка.

Толя показал рукой. Николай насторожился, что-то много здесь разных случайностей.

— Это правда, Саша? — спросил Зубенко.

— Правда. Ее Надей звали. Уже скоро два месяца. Мама говорит, что ее офицер обманул. Да она не такая, чтоб так просто поверить.

Саня повторил чужие слова, не понимая их смысла, и Николай поспешил перевести разговор на другую тему. Он спросил:

— А где тот офицер служит?



— Вон на тех кораблях.

Толя добавил:

— Папа его, наверно, знает. Он всех знает.

Рыжеголовый Саня огорошил Николая словами:

— А зажигалкой щелкал другой, в костюме...

— А ты его знаешь?

— Нет.

Ребятам уже надоели расспросы Николая, и они посматривали на планер, который он держал в руках. Зубенко поднялся с камня и сказал:

— Самолет ваш готов! Пробуйте, как полетит.

Толя взял планер, потрогал туго натянутую резину и пустил его в сторону поляны. Планер поднялся, его развернуло ветром в сторону моря, и он на большой высоте потянул над водой.

— Вот здорово летит! — кричали ребята. — Километра два протянет!

Завод резины кончился, и планер спикировал в воду — его поломанные крылья закачались на волнах. Николай пообещал ребятам новый, и расстались они друзьями. Зубенко направился домой. Услышанное от ребят не выходило из головы. Что бы все это значило?

## Новые знакомые

Днем Николай пошел в город и связался со Снегиревым. Он коротко доложил, что есть важные известия, и спросил, как их передать.

— Жди, вечером буду там.

Обратно Николай возвращался улицей, где жили Ершовы. Хорошая семья, гостеприимная, внимательная. Из того же подъезда, куда входил он к Ершовым, вышла высокая стройная блондинка с голубыми глазами. Она мельком взглянула в сторону Николая, и ее подведенные ресницы взлетели в удивлении. Девушка шагнула навстречу и остановилась.

— Николай? Вот не ожидала!

Зубенко был удивлен не меньше, тоже остановился.

— Ольга? Здравствуй.

— Здравствуй, Коля. Какими судьбами в наши края?

— Получил сюда перевод.

— Ты в морской форме, а мне почему-то казалось, что ты учился в каком-то армейском училище. Давно здесь?

— Нет, всего несколько дней.

— И постоянно будешь здесь?

— Это от начальства зависит. Ты очень хорошо выглядишь, Оля.

Девушка улыбнулась.

— Спасибо.

— Нам по пути?

— Мне вниз.

— Мне тоже. Пойдем...

С девушкой Николай познакомился в доме отдыха на Океанской прошлым летом. Она уже с неделю отдыхала, когда приехал он, и выглядела очень бодрой, загоревшей. Она с удовольствием принимала приглашения мужчин «погонять мяч» через сетку, покататься на яхте или побродить по тайге. Ее общества домогались многие, надеясь на легкий курортный роман с красивой блондинкой, которая, казалось, просто и вольно вела себя со всеми. Но предприимчивые «курортные холостяки» и парни, перешагивавшие невидимую черту простого товарищества, отскакивали от нее, словно мячи пинг-понга от станы. Вскоре она прослыла неприступной, не ее окружение от этого не поредело. Николая она в первые же дни выделила из когорты своих поклонников и безбоязненно отправлялась с ним в дальние прогулки по сопкам или по заливу, по достоинству оценив его скромность и искреннее

уважение. Эти товарищеские отношения сохранились вплоть до ее отъезда, и последняя неделя отдыха прошла для Николая бледно и неинтересно. Они дали друг другу адреса, но, как это часто бывает, не обменялись ни одним письмом. Курортные связи приятны, но быстро забываются при смене обстановки. И вот здесь он ее встретил. А ведь знал, что она из Берегового, просто как-то стерлось в памяти.

Они направились по Портовой улице вниз к бухте. Стоял один из тех теплых и солнечных вечеров, которые начинаются в Приморье с середины лета. Николаю казалось, что город полон солнца и света.

— У вас всегда здесь такая чудесная погода?

— Нет, просто ты не захватил нашу весну, которая тянется добрых пять месяцев и страшно надоедает. Сыро, слякотно и сумрачно, просто отвыкаешь от солнца. Туман и туман без конца. Но вторая половина лета и вся осень у нас просто чудо.

— Понравился мне ваш город. Небольшой, чистый, светлый. Строят много.

— Это как и везде. Мы строители...

— Продолжай. Что же вы строите?

— Может быть, тебе покажется смешным, но я думаю, что любая стройка — памятник труду человека, а для каждого человека просто необходимо оставить что-то после себя. У нас в институте часто велись разговоры, что дело не в том, у кого какая специальность, а чтобы человек беззаветно отдавался любимой работе. Например, мой отец очень любит свою работу инженера-электрика. Он и сейчас еще много занимается, не считаясь со временем, хотя работает инженером ТЭЦ, и, казалось, интерес его к учебе должен иссякнуть. Молодец он у меня. Правда, он мне не родной, но я никогда не имела причины задуматься об этом. Пала очень хороший семьянин и прекрасный специалист. Представь, себе, что он такую великовозрастную особу, как я, называет не иначе, как Олюша. Смешно. Я привыкла, а людям, наверно, кажется странным.

— Почему? Я тоже считаю, что тебе больше идет ласковое — Олюша или Олеся...

Улица кончилась, и они направились по берегу бухты в сторону скалы. На песчаную отмель берега накатывались волны. Белый пенный бурун начинался там, у скал, и, съедая волну, бежал по песку навстречу Ольге и Николаю.

— Ты слышал про эту скалу? — спросила Ольга.

— Слышал.

— Какая странная история. Что ее заставило? И почему человека, виновного в ее смерти, безнаказанно отпустили. Непонятно. Мне так жаль ее.

— Ты ее хорошо знала?

— Да, хорошо. Она работала на нашей стройке и погибла так нелепо. Человека не стало и нет виновного. Ты не знаешь офицера, с которым она встречалась?

— Нет еще.

Ольга замолчала, задумавшись о трагедии на скале. Николай, чтобы перевести разговор, опросил:

— Ты говоришь — отец инженер ТЭЦ?

— Да. Вон то белое здание. Он начинал там работать дежурным электриком, потом заочно закончил институт. Назначили дежурным инженером. Недавно ему предложили перевод с повышением, но он отказывается. Говорит, что здесь остаются неоконченные работы. Он там вводит какие-то новшества, которые должны дать большую экономию энергии. Поэтому и ночами часто там пропадает...

Они дошли до скалы и повернули обратно. Когда поравнялись с проходной завода, Николай обратил внимание на высоченного широкоплечего парня в серенькой кепчонке на одно ухо. Она выглядела такой маленькой на голове парня с пышной шевелюрой, что было непонятно, как она там держится. Парень исподлобья, набычив мощную шею, смотрел на Николая и Ольгу, и взгляд его не обещал ничего хорошего.

— Кто это?

— Иван Козлов. Бригадир разнорабочих... Ваня, ты что здесь делаешь? Рабочий день

давно кончился.

— Я думал, ты тут... Может опять понадобится.

— Нет. Я сразу после работы ушла.

— Вижу, — неопределенно выдохнул Иван.

— После работы я часто оставалась на стройке, — сказала Ольга. — Намечала план на следующий день, прикидывала, что к чему, чтобы не терять времени утром. Он тоже оставался и предлагал свою помощь.

— Ты с ним встречалась?

— Нет, что ты. Честно сказать, я побаиваюсь этого парня. Он такой огромный. Но стараюсь ему этого не показывать.

Ольга и Николай поднялись на Портовую и разошлись, дружески распрощавшись.

Вечером Николай был у Снегирева.

— Рассказывай, — после взаимного приветствия сказал подполковник.

Николай подробно, рассказал о том, что узнал от мальчишек: о человеке, который фотографировал, о гибели девушки.

Подполковник задумался. Действительно, совпадений слишком много, только совпадения ли это? Может быть, это звенья одной цепи? За эти дни Зубенко много узнал, но в то же время мало.

— Что сам думаешь по поводу этих событий?

— Я думаю, что тот, кого мы ищем, — офицер, служит на погранкораблях, возможно, это человек, по вине которого погибла девушка. Ребята подтверждают, что видели офицера, хотя один из них высказал сомнение. Все это происходит в непосредственной близости от базы кораблей и стройки.

— Но это-то как раз и опровергает твои доводы. Я выясню и сообщу тебе, где служит тот офицер. Ты по-прежнему держи меня в курсе всех событий.

— Ясно, Владимир Сергеевич.

На следующий день, возвращаясь со службы, Зубенко подошел к киоску, чтобы выпить. Молоденькая девушка с улыбкой стала наливать воду. Вдруг Зубенко почувствовал, что кто-то пристально рассматривает его сзади. Он спокойно допил воду, поставил стакан в окошечко и, проходя мимо, взглянул на стоявших возле киоска людей. Это были две девушки, видимо, студентки, моряк торгового флота и высокий человек с представительной наружностью. На нем серый рабочий костюм, серый галстук на темной рубашке. Но на Николая уже больше никто не смотрел.

Он отошел от киоска и сел в скверике на скамейку. Из-за кустов ему было видно, что делается у киоска. Девушки, напившись, убежали чуть не бегом, моряк взглянул на часы и направился в сторону порта. Человек в сером костюме внимательно посмотрел в ту сторону улицы, куда ушел Николай, закурил папиросу и направился в другую сторону. Когда он скрылся за углом, Николай снова подошел к киоску и спросил улыбочивую девушку:

— Вы не знаете, кто этот человек в сером костюме?

— Нет. Здесь многие пьют. А на старых я не заглядываюсь.

Николай направился по улице, где накануне гулял с Ольгой. Шел и думал о человеке в сером костюме. Это он его рассматривал. Но почему? Откуда он его знает? Он отвлекся от своих мыслей, услышав за спиной знакомый бас:

— А-а, вон тот тип. Подождите, я сейчас.

Николай оглянулся и увидел Ивана Козлова. В стороне стояли несколько парней с небрежно прилепленными к губам сигаретами. Он продолжал идти, не сбавляя и не прибавляя шага. Козлов догнал его и пошел рядом.

— Слушай, друг...

— Я вашим другом никогда не был.

— Ну вот что, старлей. Отстань от этой девушки... От Оли.

— Что, она просила?

— Не она просила, а я говорю.

— Я могу сказать вам то же самое, но в более вежливой форме.

Иван шагнул вперед и заглянул в лицо Николаю.

— Ты шутник, малый.

— Я говорю серьезно.

— Да ты видишь, с кем ты говоришь? — загремел Иван так, что прохожие с удивлением оглядывались.

— Не слепой.

— А ты знаешь, что мне во всем городе никто слова против не говорил?

— Я здесь недавно. Не приходилось слышать.

— Так вот я тебе говорю.

— А что вы, собственно, кричите? — не выдержал Николай. — Вы что с луны свалились? Или вас трамваем в детстве стукнуло?

Иван не нашелся сразу, что ответить. Этот тип еще таким тоном говорит ему, Козлову! Он оглянулся, не слышат ли ребята, как «подрывают» его авторитет. Те шли поодаль. Он сбавил голос и сказал:

— Ну вот что, ты смелый парень, но заруби себе на носу, если еще раз увижу с Олей — прихлопну, как муху. Понял?

— Что-то мне кажется, вы еще никого не прихлопывали, кроме этих самых мух. И то языком.

Иван понял, что офицера он не запугал и встречаться они будут. Ну ладно, сам он его, конечно, прихлопывать не будет, но ребята взбучку ему устроят.

— В общем, считайте, что я предупредил, — неожиданно для себя Иван перешел на вы. — Потом чтобы разговоров не было.

— Вот потом и будут разговоры.

Иван отстал, поджидая ребят. Они шли, о чем-то весело переговариваясь. Запугать офицера он не смог, это его бесило.

— Что скалитесь?

— Да мы ничего, Ваня. Что ты?

— Знаете только водку жрать. Нет, чтобы подмогли...

— Мы хоть сейчас. Что помочь?

Но помогать еще было не в чем, и Иван молча повернул назад. За ним повернули и ребята.

Поднимаясь вверх по склону к своему дому, метрах в двухстах впереди Зубенко увидел человека в морской форме. Тот тоже поднимался наверх. Николай, прибавив шаг, стал нагонять его.

## Предатель

Самолет приземлился на аэродроме недалеко от города Майами штата Флорида. По укатанному асфальтированному шоссе Зонова привезли в одноэтажный серый особняк и оставили одного. Началась новая жизнь. Жизнь ли? Зонов растянулся на кровати и задумался о прошлом. Вспомнил службу, товарищей, Стефана... Поездки в почтовом вагоне, деньги... А ведь все могло быть по-другому.

Международный экспресс Прага-Берлин подходил к последней перед границей остановке.

«Пора», — подумал солдат, сидевший у окна в последнем вагоне. Он достал из кармана небольшой пакетик и высыпал его содержимое в бутылку с минеральной водой. Потом он прошел во вторую половину вагона и разбудил отдохавшего сержанта Никитина — старшего по вагону, вернулся и снова сел на свое место. За окном мелькали домики полустанков, веселые просвечивающие перелески. Никитин прошел к столику и сел напротив солдата.

— Где едем, Зонов?

— К границе подъезжаем, — равнодушно отозвался тот.

Никитин зевнул, потянулся к бутылке. Зонов продолжал смотреть в окно. Сержант с удовольствием вылил воду.

— Отличная водичка. Так и шибает в нос.

Солдат не откликнулся. Никитин достал сигарету, закурил и, облокотившись на столик, стал смотреть в окно. Вдруг голова его стала клониться, клониться, и он опустил ее на руки. Зонов выждал немного, взял из руки сержанта дымившуюся сигарету и выбросил ее за окно. Потом поднялся, толкнул Никитина — тот крепко спал. Взял его под руки и унес во вторую половину вагона. Там уложил на полку и прикрыл шинелью. Не хотел заработать, пусть отдыхает.

Поезд подошел к станции и остановился. Когда он снова тронулся, из тамбура вошел человек с двумя чемоданами. Был он высок ростом, плечист, с черной щеточкой подстриженных усов. Чех по национальности, подданный ФРГ, он отлично владел русским языком.

— Как сержант? — спросил он.

— Заснул.

— Раньше, чем часика через два не проснется.

— А если проснется? — с тревогой спросил солдат.

— Нет! От этого порошка быстро не очухается. Ну, куда ты меня денешь?

Зонов открыл ящик, в котором зимой держал уголь.

— Сюда вот только...

Стефан — так звали чеха — без слов забрался в ящик и пристроился в углу. Леонид закрыл крышку, над нею повесил свою шинель. Чемоданы спрятал под полку.

На пограничной станции в вагон вошли два таможенника-чеха. Они бегло осмотрели вагон и спросили:

— Все в порядке?

— Так точно! — бойко ответил солдат и подал журнал осмотра.

Офицеры расписались и ушли. Через несколько минут поезд пересек границу. Стефан вылез из ящика, привел себя в порядок и умылся в туалете.

— Ну вот, теперь все о'кэй, как говорят американцы, — заметил он, расчесывая волосы. — Больше было разговоров. Что там сержант, похрапывает?

— Спит.

— Через часок проснется.

На следующей же остановке Стефан расплатился с Леонидом и с чемоданами вышел из вагона. Солдат пересчитал полученные деньги и выругался:

— Ах ты, скотина! Надул, подлец. Ну подожди, я тебе припомню.

Чех вместо обещанных двух тысяч марок заплатил только тысячу триста. Догонять его уже не имело смысла, поезд дал отправление.

Проснулся Никитин и вышел к солдату, сидевшему все на том же месте.

— Граница скоро?

— Скоро час, как проехали.

— Час, как проехали? — удивился сержант. — Я что, опять заснул? Как осмотр?

— Все в порядке, раз едем дальше. А поспать ты мастер.

Никитин сел за столик, у него что-то побаливала голова и в теле ощущалась какая-то слабость.

— Проквозило меня, что ли? Голова какая-то ненормальная. Ты можешь пойти отдохнуть.

Леонид забрался на верхнюю полку и заложил руки под голову. Со Стефаном, как ему казалось, он познакомился случайно. Однажды, когда поезд тронулся с одной из остановок,

он услышал в тамбуре вагона какой-то шум. Он побежал туда и увидел мужчину и двух девушек.

— Вы почему здесь оказались? — напустился на них Леонид. — Вы же видите, что это спецвагон.

В вагоне перевозили советскую корреспонденцию, и посторонних здесь быть не должно. Это грубейшее нарушение инструкции. И Зонов испугался, что, если об этом узнают, ему не сдобровать. Мужчина, видимо, чех по национальности, прижав руку к сердцу, стал горячо объяснять на чистом русском языке:

— Простите, пожалуйста. Нам ничего не оставалось делать. К поезду опоздали и свой вагон догнать не смогли, а ваш последний в составе. Видите, это же девушки. У нас билеты в четвертый вагон, нам всего две остановки.

Девушки с мольбой смотрели на солдата, и он смягчился. Две остановки еще туда-сюда. Он разрешил:

— Ладно, входите.

Случайные попутчики вошли в вагон. Мужчина извиняюще улыбался, топорща подстриженные черные усики.

— Простите, товарищ... Мы никогда не сомневались, что русские человечны. Меня зовут Стефан. Я очень рад познакомиться с вами, — мужчина протянул руку и еще раз назвал: — Стефан. А эти милые девушки — мои попутчицы. Они присоединяют свою благодарность к моей.

Девушки, по-видимому, не знали русского языка, Они сидели молча и застенчиво улыбались. Обе молодые, симпатичные. Зонов поглядывал на их обтянутые капроновым чулком колени, торчавшие из-под коротеньких юбочек.

Услышав разговор во второй половине вагона, Никитин вышел и напустился на Леонида.

— Это что? Кто их пустил? Ты знаешь, что за это будет? Это же грубейшее нарушение инструкции. Как ты смел! Я же на тебя полагаюсь...

— Не кричи. Они сами заскочили. Не выкидывать же их на ходу. А ехать им две остановки.

— Какое мне дело, кому сколько ехать. В вагоне не должно быть посторонних, и ты это прекрасно знаешь.

— Ну выбрасывай их, если хочешь.

Мужчина и девушки смотрели на сержанта. Стефан порывался что-то сказать, но не осмеливался перебить Никитина.

— Выбрасывай! Тебя же поставили на охрану. На следующей остановке чтобы вышли.

— Да, да, — отозвался Стефан. — Мы сойдем. Мы не знали, что причинили вам неприятность. Мы приносим извинения за случившееся, но солдат здесь не виноват. Мы были в безвыходном положении, и девушки просто не смогли догнать свой вагон. Мы сейчас выйдем.

Никитин отошел, сердито поглядывая на подчиненного. Что ему оставалось делать? А на этого Зонова, видимо, полагаться совсем нельзя, подведет так, что не рад будешь.

Поезд замедлял ход. Мимо окон проплыли домики полустанка.

— Здесь выходите, — сказал Никитин, обращаясь к чеху.

Тот согласно закивал головой, что-то сказал девушкам и пошел вперед. Зонов вышел за ними. Спрыгнув с подножки вагона, чех достал что-то и подал солдату.

— Возьмите, пожалуйста, и не сердитесь на нас.

Зонов взял и увидел, что это деньги. Двести марок. Он подумал было вернуть их, но раздумал, оглянувшись, не видел ли Никитин, и сунул деньги в карман. Вскоре после инцидента в вагоне Зонов встретился со Стефаном в Дрездене. Чех, увидев солдата, сделал вид, что ему неожиданна эта встреча. Он даже вспомнил фамилию солдата.

— А, Зонов! Привет. Как жизнь, как служба?

— Ничего, служба идет.

— Что твой сержант, быстро успокоился?

— А что ему делать? Вы ушли, он и успокоился.

Стефан не зря уже несколько дней торчал на вокзале. Ему нужен был этот солдат. Зонов к деньгам равнодушен, с ним-то и можно будет обработать дельце, которое поручил Кляйн.

С этим Кляйном Стефана как-то раз познакомили его приятели спекулянты. Кляйна откомендовали как крупного специалиста по этим делам и притом как человека, щедро оплачивавшего услуги мелкой сошки, таких, как Стефан Черны. До войны Кляйн был крупным торговцем в Венгрии и имел там свои магазины. После войны бежал в Западную Германию и теперь проживал в Мюнхене. В одном из ресторанов и познакомили Стефана с Кляйном. Кляйн долго прощупывал его осторожными вопросами. Потом все же решился довериться.

— У меня к вам вот такая просьба. В Праге у знакомых остались мои ценные вещи. Сможете ли вы, избегая таможенного досмотра, перевезти их через границу? Работа будет хорошо оплачена.

— Дело очень опасное. Большой риск...

— Это мне известно. Но мне рекомендовали вас, как смелого человека, которому можно поручить дело. Если вас оно не устраивает, я найду другого.

— Зачем торопиться? Мы еще ничего не выяснили. Я предпочитаю сразу знать, во сколько оценивается моя шкура.

— Оценивать вашу шкуру я не берусь. Провоз двух чемоданов стоит три-четыре тысячи марок. Я даю пять. Если вас это устраивает, вот вам адрес. Нет — забудьте наш разговор.

Стефан понял, что Кляйна на мякине не проведешь, и он согласился. После этого он и заскочил почти на ходу в советский спецвагон и, чтобы его не прогнали, взял с собой двух девушек...

— Кататься еще не надоело? — продолжал Стефан разговор.

— Почему должно надоест? Колеса крутятся — служба идет. Солдату больше ничего и не нужно. А что?

— Хочешь заработать быстро и без риска? Дело выгодное, но...

— Пошел ты, знаешь куда?!

Теперь-то Леонид догадался, что чех не случайно заскочил к ним в вагон. Леонид уже наслышался разговоров о том, что наших солдат частенько провоцируют и обрабатывают разные типы, сулят крупные деньги за мелкие услуги. Слушая эти разговоры, он не раз думал, как поступил бы он, если бы к нему подошел такой вот тип. Какую-нибудь мелочь провезти нетрудно, но зато получишь крупный куш. Правда, большая опасность: если узнают — не сдобровать. Но ведь деньги. И вот такой человек подошел к нему. Леонид испугался. Испугался того, что он рядом с ним, что его могут увидеть. Он отступил на несколько шагов и побежал к вагону. На подножке оглянулся, чех уходил с платформы к выходу. «Донести, — подумал Леонид. — Начальство предупреждало, чтобы сообщали о таких людях. Заработаешь благодарность...»

Чех уже скрылся, Леонид так и остался на подножке. Лотом снова спустился и пошел вдоль состава. Смеркалось. Вспыхнули огни на перроне, засветились окна вокзала. «Надо бы спросить, что за дело, — уже с сожалением подумал Леонид. — Может мелочь... И содрать побольше. Эх, а узнают? Упекут к черту на кулички». Леонид повернулся и зашагал обратно вдоль состава. И вдруг в тени вагона снова увидел чеха. Он хотел было быстрее прошмыгнуть мимо и подняться в вагон, но чех заговорил, и Леонид остановился.

— За услугу — приличная сумма.

Леонид приложил палец к губам, чтобы чех говорил еще тише.

— Что за услуга?

— Перевезти небольшой саквояж.

— Сколько?

— Триста марок.

— Только? — удивился Леонид.

— Ну, четыреста.

— Пятьсот.

— Ладно. Сейчас принесу чемоданчик. На первой же остановке за границей отдашь его железнодорожнику, который пройдет мимо вагона и, увидев тебя, снимет фуражку и почешет голову.

Леонид перевез саквояж и передал его по назначению. Получил пятьсот марок. Никитин ничего не знал. И вот Стефан снова замаячил на перроне. Когда Леонид подошел, он сказал:

— Теперь надо провезти два чемодана и меня. Плата, конечно, побольше.

— Нет, это нельзя. Два чемодана — не саквояж, да и ты. Нет, что ты. Провалюсь.

— Ну, друг, так не делается. Если уж взялся, надо тянуть. Понимаешь же, что ты в моих руках. У меня и фотографии есть, когда ты получал деньги, саквояж, как передал его. Я не считаю тебя глупым...

«Вот и влип», — подумал Леонид и почувствовал, как мелко и противно задрожали колени.

— Я не против, но здесь без сержанта не обойтись, его не уломаешь. Это уж точно.

— Поговори с ним сейчас же. Я подожду.

— А сколько за «работу»?

— Тысячу марок.

— Это же мало. Два чемодана и человек!

— Полторы!

— Две. Делить придется на двоих.

— Ладно. Иди к сержанту.

Зонов ушел в вагон. Услышав его предложение, Никитин напустился на солдата:

— Да ты что, рехнулся? Да ты же за это под суд пойдешь. Загратишь, как миленький. Советую тебе по-товарищески, брось это знакомство, оно тебя к добру не приведет.

Леонид понял, что Никитина на это дело не уговорить, не тот человек. Но и две тысячи марок, подумать только, сами лезут в руки. Он сказал примирительно:

— Да я пошутил, не шуми.

— За такие шутки дорого придется расплачиваться.

Немного погодя Зонов снова вышел из вагона и в толпе отыскал Стефана.

— Ни в какую не соглашается. Пригрозил начальству доложить.

— Ну тогда вот что, выключим его из игры.

— Как это выключим? — испугался Зонов.

— А вот так... Я с чемоданами буду садиться на последней перед границей остановке. Ты к тому времени найдешь способ дать сержанту снотворного. Он спокойно проспит и проснется через пару часов, когда две тысячи марок будут у тебя в кармане. Понял?

— Понять-то понял...

— Так и сделаем. Снотворное я тебе передам. Смотри не провали дело. Сержант должен заснуть.

И вот все получилось так, как и решили они со Стефаном. Никитин напился из бутылки и заснул парад границей.

Товарищи по службе обратили внимание, что у Зонова появились деньги, и командование заинтересовалось этим. Его перевели с почтовой базы в другую часть. Особый отдел занялся проверкой личности Зонова, в Куйбышев был послан запрос, чтобы собрать данные о поведении Зонова до службы.

На новом месте Леониду не нравилось. Строгая дисциплина, тянись перед каждым сержантом. Он стал дерзить, отказывался выполнять приказания.

— Долго ты меня зажимать будешь, старшина?

— Во-первых, не ты. Обратись по уставу. Во-вторых, объявляю наряд вне очереди.

— Служака. Подожди, встретимся на узкой дорожке. Так просто не разойдемся.

Зонов отвернулся и ушел. Вечером его направили в наряд рабочим по кухне. Он с остервенением тер тарелки, словно на них вымещая свою злобу на старшину, на командиров,



на товарищей. «Они тут жрут, а ты убирай за ними».

В десять часов вечера прибежал дежурный по штабу.

— Зонов, кончай работу. Тебя вызывает замполит.

Сердце у Зонова екнуло. «Вот и конец!» — подумал он, вытирая со лба холодную испарину.

— Сейчас соберусь, — как можно беспечнее сказал он.

На работу солдаты надевали синюю куртку без погон и такие же брюки. Уйти из столовой было нетрудно, офицерский зал имел выход в город, который не охранялся. Зонов воспользовался этим. Быстро оглянувшись на пустой зал, он выскользнул на темную улицу.

Старший наряда и дежурный не могли найти Зонова и доложили командованию. Утром Зонов искало все подразделение, но безуспешно, он словно сквозь землю провалился.

Друзья Стефана за доллары, которые Зонов прихватил с собой, переправили его из Восточной Германии в Западную. На станции Хоф они передали его невысокому плотному человеку, который отрекомендовался Смитом. Со Смитом Зонов прибыл в Регенсбург недалеко от Мюнхена. Там его поместили в доме, который, занимали трое американцев.

На следующий день Смит пришел к Зонову и без обиняков стал расспрашивать его о военных объектах, войсковых частях, о промышленных предприятиях городов Советского Союза, в которых Зонову приходилось бывать. Глядя на полное лицо Смита, не выражавшее никаких эмоций, Зонов старался отвечать коротко и ясно, ожидая следующих вопросов с готовностью.

— Расскажите подробно о части, в которой служили последнее время. Назовите фамилии и звания офицеров, численность личного состава, вооружение и прочее.

Зонов рассказал все, что знал. Потом его допрашивали другие. Они приходили один за другим попеременно, тихо, как тени. Не улыбались, не радовались, не сердились. Солдат был для них только источником новых данных, которые нужно собирать, систематизировать. Вытягивали из него все, что он знал. Спрашивали даже о том, что не имело никакого отношения к ценным сведениям: сколько в Куйбышеве школ, техникумов, институтов.

Так тянулось недели две. Потом у Зонова стал бывать высокий темнорусый с двойным подбородком мужчина, который назвался Александровым. Он расспрашивал Зонова о доме, о родных, о службе, видимо, просто так, из любопытства — никаких записей он никогда не вел. Много шутил, высмеивал порядки в Советской Армии. С ним Зонов выезжал на прогулки, вместе бывали в кафе и ресторанах. Александров много рассказывал об Америке, на все лады расписывая американский образ жизни.

— А меня скоро отправят в Америку?

Александров внимательно посмотрел на солдата. Зонов напряженно ждал ответа, ведь он желал только в Америку. А Александров не торопился с ответом, давая прочувствовать солдату всю неуверенность и шаткость его положения.

— Об этом говорить еще рано. Туда попасть не так просто. Это надо заслужить.

— Куда же меня тогда отправят?

Александров видел, что солдат выбит из обычного состояния духа. Он очень хочет в Соединенные Штаты, но он нужен совсем в другом месте. Он должен приносить пользу. Обычно таких людей помещают сначала в хорошие условия, чтобы они вкусили все удовольствия жизни, потом предлагают работу, но не ту, о которой они мечтали. Если они отказываются, их бросают на произвол судьбы.

— Таких, как ты, отправляют в лагеря для перемещенных лиц, — ответил Александров. — Слышал о таких лагерях? Вот. Там с полгода будешь проходить разные проверки и карантин. Будут гонять на самую грязную работу. Питание — хуже собачьего. Предприниматели не намерены тратиться понапрасну. Жить придется в бараках, спать на вшивых матрацах. В общем, сам представляешь, что там за условия. А из лагеря могут направить в любую страну, на любую работу, где через пару лет отправишься к прабабушкам. На хорошую работу оттуда не попадают. Но ты имеешь возможность избежать всего этого и попасть в Штаты.

— Как?

— Оказать нам услугу. Она легко выполнимая, но ценная. Потом отправят в Америку.

Зонов уже понял, куда клонит Александров. Он просто вербовщик, вот почему он все время с ним, возит его обедать в бары и дансинги.

— Какую услугу?

— Ну, например, поступить на службу в одну организацию, про которую я скажу после. Занятия не опаснее, чем твоя контрабанда. Это не сложно. Подумай.

Зонов думал. Попасть снова туда, откуда он с таким трудом вырвался и где его сейчас разыскивают? Да и что думать, ведь все равно они заставят его поступить так, как сами захотят. Он же в их руках. Еще вздумают выдать обратно. Он неуверенно спросил:

— Если я не соглашусь?

— Но я не вижу причины, почему ты должен отказываться от доверия, которое тебе оказывают? На твое место найдутся другие. Повторяю, что дело не опасное, все будет подготовлено. Риск небольшой, но хороший заработок и полное доверие. Выгоднее, чем таскаться по лагерям и цеплять заразные болезни.

Зонов молчал. Александров поднялся со стула.

— Я смотрю, ты напрасно ушел оттуда. Малодушие — сестра трусости. А такие люди нам не нужны.

Леонид испугался, что Александров уйдет.

— Согласен я!

— Вот и молодчина. Поздравляю с хорошей работой. Не сомневайся, с нами не пропадешь. А теперь вот что, давай-ка поедem с тобой в магазин. Надо тебе сменить эти тряпки.

Через час Зонов в белоснежной рубашке, светлой куртке с молниями, в узких брюках и модных туфлях сидел на мягком сидении мощного «Кадиллака», который вел Александров. Машина оставила за собой Регенсбург и по широкой асфальтированной дороге умчалась в сторону Мюнхена.

«Кадиллак» плавно развернулся и остановился возле многоэтажного особняка в центре города. Зонов за Александровым поднялся по лестнице, прошел пустынный коридор и вошел в комнату, в которой находилось несколько военных в форме американской армии и несколько штатских. Оформление документов заняло около часа. Потом военные и Александров поздравили Зонюва и пожелали удачи на новом пути.

В начале сентября к Зонову приехал Смит и сказал:

— Собирайся, отшельник, поедem во Франкфурт-на-Майне.

Держался Смит так, словно они всегда были друзьями.

Собирать Зонюву с собой было нечего, минут через десять он был готов в дорогу. Выехали на машине в Мюнхен, оттуда на самолете военно-воздушных сил США вылетели во Франкфурт. Там Смит передал Зонюва высокому сутуловатому человеку с блестящими черными волосами, зачесанными пробором. Лет ему было за тридцать пять. Этот человек представился:

— Грегор Сабин. Можешь звать просто Грег или Григорий. Как удобнее. — Сабин русским языком владел в совершенстве, не то что, например, Смит или Александров, в разговоре которых слышался акцент. Сабин пристально рассматривал Зонюва, и тот растерялся. Такого пронизывающего душу взгляда выдержать невозможно. Грег усмехнулся и добавил приятельски: — С тобой мы должны подружиться. Работать придется вместе. Скоро полетим в Штаты. Рад?

— Конечно, рад!

Через несколько дней на самолете ВВС США Зонов пересек Атлантический океан и очутился во Флориде, в сером коттедже...

## Ночной гость

Капитан-лейтенант Ершов стоял на мостике рядом с рулевым и посматривал вперед, иногда поднося к глазам большой морской бинокль. Невдалеке от берега в сторону города шел катер рыбозавода. Название его отсюда невозможно было рассмотреть, но Ершов знал, что это «Смелый». Капитан-лейтенант в лицо знал и старшину катера.

Сторожевик вспарывал густо-синюю поверхность моря, оставляя за кормой дорожку взбудораженной воды. Она тянулась параллельно невидимой черте государственной границы в миле от нее. На траверзе небольшого мыса Зеленого на мостике резко звякнул телефон внутренней связи. Ершов снял трубку.

— Докладывает акустик Воронцов. Курсовой угол... станция... неподвижная цель. Моторов не слышу.

— Продолжать наблюдение.

— Есть продолжать.

Ершов опустил трубку. Корабль, не сбавляя хода и меняя курса, продолжал идти вдоль границы. Минут через десять акустик снова доложил:

— Курсовой... расстояние... Подводная лодка.

«Лодка?» — удивился Ершов. Когда он принимал обстановку в районе, ему ничего не говорили о лодке.

— Следить за целью!

И на этот раз корабль не изменил ни курса, ни скорости. Лодка в нейтральных водах, в восьми милях от границы. Чья она? И почему стоит на месте, не движется? В штаб полетела короткая радиограмма: «Северо-восточнее мыса Зеленого в восьми милях от границы неизвестная лодка в погруженном состоянии, с выключенными моторами. Ершов». Ответная радиограмма гласила: «Продолжать наблюдение».

212-й прошел мимо лодки, оставляя ее в стороне. Если это враг, то он будет изучать сейчас режим охраны границы: количество кораблей, класс, скорость, время нахождения в районе. Что нужно здесь этой лодке и с какой целью она затаилась? Врага надо ввести в заблуждение и выяснить его намерения. Охотник ушел вдоль границы, не теряя из поля акустического зрения затаившуюся лодку.

Радист 212-го принял от штаба еще одну радиограмму: «Наблюдение за лодкой не прекращать. Ваш район будет обслуживать 216-й». Это значило, что Ершов получил свободу действий для наблюдения за лодкой.

Когда Снегиреву сообщили о лодке, он, не медля ни минуты, в сопровождении майора Кондратьева выехал в штаб погранотряда. У командира отряда состоялось короткое совещание. Капитан первого ранга пригласил приехавших к карте и обрисовал обстановку.

— Сколько от лодки до берега? — спросил Снегирев.

— Около двадцати миль. До мыса Зеленого семнадцать.

— Лодка может высадить человека или забрать его?

— Вполне возможно и то и другое. Известно, что человека могут выпустить из лодки в подводном состоянии и он водой и по дну может выйти на берег.

Снегирев задумался. Неужели они спугнули кого-то, даже не обнаружив его следов? И это за ним пришла лодка?.. Может быть, ему в помощь направляется еще кто-то? Во всяком случае, надо быть готовыми и к тому, и к другому.

— По-видимому, это лучше всего им сделать ночью, — заметил Кондратьев.

— Да, я тоже так думаю, что лодка ждет темноты, — откликнулся капитан первого ранга.

— Они знают, что в районе находятся наши корабли? — спросил Снегирев.

— Несомненно. Приборы фиксируют все их действия.

— Давайте обсудим, где человеку с лодки легче всего выйти на берег.

— Вот в этой небольшой бухте, южнее мыса Зеленого, — сказал командир отряда. — Или на самый мыс. Меньше придется передвигаться под водой. Это кратчайший путь от лодки.

Возможно, на лодке ждут попутного ветра в сторону берега, чтобы переправить человека или груз на воздушном шаре. Вот два основных варианта. Я думаю, что человека в шлюпке отправлять не будут. Этот способ давно известен и не оправдал себя.

— Что сообщает наш корабль? — спросил Снегирев командира отряда.

— Лодка стоит без движения на том же месте. Это последнее сообщение капитан-лейтенанта Ершова.

Капитан первого ранга отошел от карты и сел за стол, пригласив Снегирева и Кондратьева. Придвинул коробку с папиросами и предложил курить.

— На мыс и на берег бухты, — сказал Снегирев, — я вышлю своих людей. Кроме того, нам надо перекрыть береговую полосу севернее и южнее мыса.

— Это будет сделано, — заметил командир отряда.

— Если лодка войдет в наши территориальные воды, вы ее задержите?

— Вне всякого сомнения. Мы обязаны задержать нарушителя государственной границы.

— Понятно. Теперь нам надо условиться вот о чем. Если лодка на самом деле высадит агента, мы должны дать ему возможность выйти на берег беспрепятственно, и, кроме того, он ни в коем случае не должен обнаружить, что за ним наблюдают. Если он идет сюда, значит, у него здесь или в другом месте есть явки. Наша задача — выявить их с его помощью. Поэтому проинструктируйте ваших людей, чтобы они только наблюдали, но не мешали ему. Сообщайте нам обо всем замеченном.

— Хорошо.

— За возможным нарушителем будут следить мои люди.

Снегирев снова подошел к карте.

— Если нарушитель высадится в районе мыса Зеленого, то, надо думать, он направится в город. Отсюда он поездом может выехать в глубь страны или на пароходе на Сахалин или в другое место. Мне кажется, в городе, в непосредственной близости от места высадки, он не останется. Хотя и это не исключено. Пробирается он может берегом или по шоссе на дороге. Она идет параллельно берегу в шести километрах от него.

— А если он двинется в сторону рыбозавода? — спросил Кондратьев.

— Вряд ли. Оттуда он все равно сможет выбраться куда-либо только через город. Но это дела не меняет. Наши люди пойдут за ним.

— Если его будут встречать на берегу? — снова спросил майор.

— Не исключено. Поэтому необходимо перебросить людей в район, не привлекая ничьего внимания. Я думаю, мы это сумеем сделать.

— Конечно, сделаем, — подтвердил командир отряда.

— Встречать «гостя» будет группа капитана Князева, — сказал Снегирев Кондратьеву. — Это мы еще обсудим. Возможно, нарушитель будет не один. К этому тоже надо быть готовыми. Прошу вас, товарищ капитан первого ранга, держать меня в курсе действий лодки. Когда вы высылаете людей на Зеленый?

— Сейчас же.

— Хорошо. Я буду у себя в отделе.

Снегирев и Кондратьев попрощались и вышли. Возле штаба их ждала машина.

Вскоре люди Снегирева и пограничники скрытно рассредоточились в районе предполагаемой высадки вражеских лазутчиков. Были перекрыты все возможные пути отхода.

В район мыса, кроме того, вышли еще два сторожевых катера, которые совместно с 212-м должны отрезать лодку от нейтральных вод и задержать ее, если она посмеет сунуться в наши воды. Теперь оставалось только ждать непрошенных гостей.

Стемнело. Лодка всплыла. Пограничных кораблей поблизости не было. Тот, что постоянно курсировал здесь днем, только что ушел дальше. Пока он вернется, можно успеть войти в русские воды и выбросить человека. К берегу лодка приближаться не собиралась, но продвинуться вперед на три-четыре мили было необходимо. Иначе человеку долго придется пробираться по дну, и он может не успеть до утра. А находиться в воде еще день не позволит ограниченный запас кислорода.

Включив двигатели, лодка самым быстрым ходом пошла в наши воды. Ершов выждал, когда она пересечет линию границы, и 212-й ринулся, чтобы отрезать ей обратную дорогу. Со стороны города навстречу ему стремительно неслись еще два охотника. Но лодка, не углубляясь далеко в территориальные воды, всплыла, развернулась и крейсерским ходом направилась обратно. Корабли не успели перекрыть границу.

Снегирев и Кондратьев сидели на радиостанции и ждали сообщений. Коротко звякнул телефон. Снегирев снял трубку.

— «Акула» идет в наши воды, — сообщили из штаба погранотряда.

— Хорошо. Ждем дальнейших сообщений.

Он положил трубку и сказал Кондратьеву, сидевшему за радиостанцией:

— Началось. Предупреди Князева, чтобы смотрели там в оба.

Кондратьев включил станцию и сказал «Двине», чтобы ожидали «гостя». «Двина» ответила, что к встрече готовы.

Минут через десять из штаба сообщили, что лодка, не углубляясь в наши воды, развернулась и ушла обратно. Корабли не успели сжать клещи.

— Ах ты, упустили! — с сожалением произнес Снегирев. — Видно, на лодке поняли, что мы подготовили ей ловушку. А может быть, все же успели выпустить человека. Подождем. Еще только одиннадцать вечера. Если человек вышел в такой дали от берега, то он не успеет за ночь дойти до него. А на большее не хватит кислорода. Что ж, будем ждать.

Отдыхать Снегирев и Кондратьев расположились в комнате дежурного на диванах, сняв только ботинки и галстуки.

На рассвете их разбудил дежурный по райотделу.

— Вас на радиостанцию вызывают, — доложил он.

— Идем.

Снегирев и Кондратьев наскоро умылись, привели себя в порядок и через несколько минут были на радиостанции.

— «Двина» вызывает «Ромашку», — сказал радист.

— Давно вызывает?

— Несколько минут.

Снегирев надел наушники, включил микрофон.

— «Двина», я — «Ромашка», слушаю вас.

И сразу же ответил Князев тихим, но возбужденным голосом.

— «Гость» появился в пять двадцать две. Вышел из воды в ста метрах южнее ручья Гремучего. Берегом моря, не выходя на сушу, прошел до устья и по ручью поднялся метров на сто в тайгу. Сейчас снял скафандр и, видимо, заталкивает его в мешок, что ли... Еще темно и видно плохо... Туда же уложил теплое белье и баллоны. Накладывает камни... завязывает...

Кондратьев вопросительно смотрел на Снегирева, на лице которого появилась сдержанная улыбка. Но подполковник молчит, значит, ему докладывают важные известия.

Кондратьев надел наушники, прижав блестящей дужкой густые темные волосы. Князев продолжал докладывать:

— По ручью снова спустился к морю. Остановился, озирается по сторонам. Снова идет. Рюкзак, наполненный чем-то, оставил возле деревьев. Топит мешок возле камней и смотрит по сторонам — запоминает место. Тем же путем возвращается назад. Взял рюкзак, уходит в тайгу. На нем темные брюки, заправленные в сапоги, темный свитер. Без головного убора. Скрылся за деревьями... Связь прекращаю, выходим следом. Слушайте нас через час. Как поняли? Прием.

— Ждем следующего сеанса. Из-под наблюдения не выпускать!

— Теперь надо ждать его в городе, — заметил подполковник, сняв наушники. — Но что-то, мне кажется, он слишком смело идет сюда.

— А что ему делать? Остаться в тайге, а потом ночью идти? Сложно и долго, — откликнулся Кондратьев. — А так он засветло будет под городом. Осмотрится, потом пойдет на явку.

— Будем ждать сообщений Князева.

Капитан Князев днем несколько раз докладывал, что идут за «гостем» в сторону города по тайге вдоль шоссеной дороги. В четыре часа дня «гость» работал на рации. Километрах в пяти-шести от города сделал привал, забравшись подальше в тайгу. Здесь расположился на «капитальный» отдых: наломал веток, устроил что-то вроде постели, рюкзак пристроил под голову.

Наступал вечер. Над морем еще висело солнце, а на тайгу опустились сумерки. По мере того как темнело в тайге, Князев и его помощник приближались к человеку в свитере, неслышно переползая по росистой траве.

Ночь была темная и теплая. В тайге в двух шагах невозможно было рассмотреть ствол дерева. Протяни руку — не увидишь пальцев. Князев пристроился возле куста, с ветвей которого срывались капли росы, так, чтобы видеть место, где лежал «гость». Пока было возможно, он еще наблюдал за ним, но как стемнело, стал настороженно слушать.

Томительно тянулись минуты, часы. Иногда вскрикивали и шевелились в ветвях сонные птицы. Метрах в пятидесяти от Князева чуть слышно журчал по гальке ручей. Где-то в верхушках деревьев несмело шелестел ветерок. В такие моменты Князев напрягал слух — не хрустнет ли ветка, не зашелестит ли трава. От нарушителя можно ожидать всего.

Перед утром посвежело и в промокшей от росы одежде стало прохладно.

Когда на востоке расплзлась бледная голубизна, Князев стал внимательно всматриваться в то место, где лежал ночной нарушитель, но тьма в лесу еще не расходилась, она стала еще гуще, ощутимее. Но вот стало возможным рассмотреть ствол лиственницы метрах в пяти, потом ветви ближайших деревьев, Князев подался назад.

От ручья донеслось тоненькое попискивание, капитан ответил тем же. Посветлело. Вырисовывались кусты орешника, под которыми устроился «гость», но... темного пятна под ними не было. Князев даже привстал на колени, вытягивая шею, не веря своим глазам. На земле остались только мятые ветки.

«Неужели он заподозрил слежку? Нет, не может быть. Они соблюдали все меры предосторожности. А он ничем не показал, что встревожен или хотя бы обеспокоен чем-то». Князев подал условный сигнал, из-за кустов показался его помощник.

— Как же мы так? — с горечью произнес он.

— Как видишь.

Князев включил рацию и доложил Снегиреву о случившемся. Подполковник помолчал с минуту, которая показалась Князеву вечностью, и приказал ждать проводника с собакой.

Привезенная через час овчарка брала след только от веток, на которых лежал человек в свитере, и до ручья. Затем она начинала крутиться, скулить и виновато ложилась у ног проводника. Он обошел оба берега вверх и вниз на несколько километров, но безрезультатно. След не был обнаружен.

Хотя Зонов и не отдыхал последнюю ночь, но, чуть забывшись неглубоким сном, он часа через два проснулся. Не шевелясь, прислушивался к ночной тайге и снова заснул. Проснулся глубокой ночью.

Темень была так густа, что хоть открывай глаза или не открывай — одинаково. Он очень осторожно сдвинулся с подстилки на траву, и ни одна веточка не хрустнула под ним. Вскинув рюкзак на спину, пополз в сторону журчавшего ручья. Он и сам бы не смог объяснить, почему ушел с того места. На всякий случай, как учили его, следовало запутать след. А на опыт Сабина в этом деле положиться можно. Метров пятьдесят до ручья он полз добрых полчаса. Вымок в росе до нитки. Потом осторожно спустился в ручей и, нащупывая дно ногой, двинулся вверх по течению. Ручей был неглубок, лишь иногда выше колен. Прошел километра два с половиной и вышел на берег. Снял мокрую одежду, связал ее плотным свертком, вывернул в ручье крупный камень, запрятал сверток под него. Вокруг наложил еще камней.

Все это он проделал наощупь.

Затем достал из рюкзака другую одежду, надел ее. На протяжении добрых полкилометра обрабатывал след «Анольфом». Наступал рассвет. За поредевшими деревьями виднелась светлая лента дороги. Зонов остановился в гуще орешника. В корнях вырыл углубление, спрятал туда пакеты, рацию, оставив себе только пистолет и рацию ближней связи. Засыпал сверху землей, замаскировал листвой и старой травой. Опять обработал след до дороги и направился в сторону станции, видневшейся километрах в двух за лесом. На вокзале появился как раз к приходу поезда. Вместе с толпой приехавших вышел в город и затерялся на его улицах.

## Лейтенант Рязанцев

На человеке, который поднимался перед Зубенко по склону сопки, была форма морского офицера. И он узнал лейтенанта Рязанцева... На сопке тот остановился и посмотрел назад. Николаю ничего не оставалось делать, как свернуть к своему дому. Так вот, видимо, кто фотографировал корабль, да и не только корабль, убил девушку. Прав подполковник — это звенья одной цепи.

Во дворе хозяин дома Никанорович приветливо улыбался, поджидая Николая.

— Здравствуй, сынок. Здравствуй, — ответил Никанорович на приветствие Зубенко. — Как жилось-былось? Мы вот решили вернуться. Стеснять не будем. Живите. А нам, старикам, веселее.

Николай остановился на крыльце. Отсюда была видна сопка и камни, но человека там уже не было. Он или спустился ниже или прошел дальше к кустам орешника, который поднимался по противоположному склону почти до вершины сопки. Услышав разговор, из дома выглянула Марфа Тимофеевна и поздоровалась, как показалось Николаю, как-то заискивающе, обрадованно. Зубенко некогда было обращать на это внимание, его мысли были поглощены человеком, который поднимался перед ним.

Словоохотливый Никанорович, найдя внимательного слушателя, говорил обо всем, перескакивая с одного на другое, как это умеют делать старики. Он рассказал и про огород, который они с Марфой Тимофеевной осмотрели, и про последние события в мире, и про свою дочь в городе. Николай, занятый своими мыслями, только поддакивал и кивал головой, делая вид, что внимательно слушает. Старик, обратив внимание, что постоялец приспособил под турник трубу, которая лежала в подполье, переключился на нее.

— А и правильно приспособил. Что ей без делу валяться? Притащил на всякий случай...

— Кого?

— Да трубу!

— А-а...

Никанорович с восхищением рассматривал крепко сбитую фигуру квартиранта.

— А ты, видать, здорово на этой штуке упражняешь. Силы не занимать, поди... А я и в молодости не мастак был насчет силы. Хвастать не буду. Да и в ту пору некогда было. С зари до зари на работе. Не до спорту. Умаешь спину за день-деньской, доберешься до хаты — и набок. Утречком, чуть свет, снова вставай. Так вот и крутились. Уж после революции жизнь налаживаться стала. Сойдемся в воскресенье верховские против низовских, стенка на стенку, носы друг дружке пораскрасим — вся и физкультура. А и у нас были мужики — кочергу узлом вязали. Кузнец Митрофан силен был, но старшой сын пообогнал его. У барыни однажды быки подрались. Породистые были, черти. Один другого помял сильно. Так энтот сын Митрофана его на себе в усадьбу припер. Версты две топал. А в том бугае пудов двадцать пять было.

— Это что, четыреста с лишним килограммов?

— Так выходит. Ушел он потом из деревни. Циркачить стал.

Николай заинтересовался разговором, продолжая следить, не появится ли снова Рязанцев. Он спросил старика:

— А где вы жили, Петр Никанорович?

— В Белоруссии. Войну там перемучились, а после войны сюда вот подались к старшему сыну. Да его перевели еще дальше на Север, а мы тут прижились, попривыкли. Да и домом обзавелись, не бросишь. В прошлом годе и меньшого проводили служить. Одна дочь осталась в городе.

— Старый, что там тары-бары развел? — подала голос Марфа Тимофеевна из дома. — Человеку, может, отдохнуть надо. Иди-ка, подмоги.

Никанорович поспешно ушел в дом. Внизу, под сопкой, прошла машина. По улицам растекались люди. Отсюда, сверху, их беготня казалась бестолковой, бесцельной. Когда стало смеркаться и корабли в бухте зажгли разноцветные огоньки, Зубенко пошел к камням. Впервые Рязанцева он увидел, кажется, в тот день, когда дежурный знакомил его с офицерами штаба. Вспомнив разговоры с ребятами, он спросил у Ершова про лейтенанта. Ершов ответил:

— Хороший, душевный человек. Замечательный товарищ... Только вот эта нелепая история с его невестой: бросилась со скалы и убилась. Не слышали?

— Слышал. Так это тот самый Рязанцев?

— Да, он. Неприятная все же история. Парень очень переживает, а тут еще эти разговоры. Официально дело прекратили из-за отсутствия улики, а злые языки продолжают болтать.

— Может быть, доля правды в этом все же есть?

Ершов нахмурился.

— Не думаю. Не такой он человек — весь, как на ладони. Прозрачный, как вода на мели. И любовь их вся на виду была. Не скрывались они, не прятались. Многие офицеры были в числе приглашенных на свадьбу...

— Откуда он сам?

— Кажется, тамбовский. Понимаешь, помочь ему ничем невозможно. Кроме как дружеским участием.

Зубенко тогда проникся уважением и состраданием к симпатичному черноволосому лейтенанту.

— В городе у него родственников или знакомых нет? — спросил Николай.

— Нет. Тяжело ему сейчас, ищет уединения, часто уходит на ту злополучную скалу. Стал сторониться товарищей.

Вспомнив этот разговор, Николай посмотрел в сторону площадки, где погибла девушка. Вчера подполковник Снегирев сообщил ему, что в органы милиции переслали анонимное письмо на лейтенанта Рязанцева. В нем просили обратить внимание на офицера, сообщая, что он морально разложившийся тип, из-за которого обесчещенная девушка бросилась со скалы. Возможно, письмо писала равнодушная к чужой беде рука, а может быть здесь чей-то злой умысел.

С камней, где сидел Николай, было хорошо смотреть на ночное море в лунных бликах, на огоньки судов и кораблей. Снизу тянуло ветерком, и он приятно охлаждал разгоряченное лицо. Вдруг Николай почувствовал, что в его затылок кто-то смотрит. Смотрит пристально, не спуская глаз и не двигаясь, — шороха шагов Николай не слышал. Он весь напрягся, готовый броситься в сторону. Человек за спиной не двигался. Зубенко встал с камня и резко обернулся. Да, метрах в десяти от него стоял человек в морской форме. В лунном свете тускло поблескивали погоны. Он стоял молча, держа одну руку в кармане, и смотрел то ли на Зубенко, то ли поверх него на море. Потом шагнул вниз. Не спуская с него взгляда, Николай сжал в кармане рукоятку пистолета. Офицер остановился в нескольких шагах и тихо спросил:

— Простите, у вас случайно нет спичек?

Да, это был Рязанцев. Николай смотрел на него, словно хотел увидеть насквозь. До него не сразу дошел смысл вопроса, и офицер еще раз повторил просьбу. При таких обстоятельствах Николай ответил бы ему, что нет, но его обескуражил просительный тихий голос. Нащупав спички в левом кармане, протянул их лейтенанту. Тот спокойно достал из коробочка спичку и отвернулся от ветра, подставив Николаю спину. Враг никогда не допустил бы подобной оплошности. Рязанцев прикурил и вернул спички. Поблагодарил, извиняющимся тоном добавил:



— Курить стал недавно и все время забываю про спички. — Он отошел и опустил на камень. Курил неумело и торопливо, глядя куда-то вдаль. Николай тоже опустил на камень, на котором сидел, и тоже закурил. Несколько минут прошло в молчании. На сердце у Рязанцева, видимо, лежал такой груз, что ему необходима было поделиться с кем-то своими думами и переживаниями. Он покосился в сторону Николая и приглушенно спросил:

— Вы здешний?

— Нет. Я недавно прибыл.

— Я и вижу. наших офицеров я всех знаю. Уже два года, как я здесь... Бежать надо, бежать, — с тоской и горечью добавил он.

— Почему бежать?

— Не могу. Вы уже слышали про девушку...

Николаю показалось, что на щеках лейтенанта блеснули слезы. Он достал папиросу. Зубенко с готовностью протянул ему спички.

— Нет, не могла она сама броситься. Не могла — и все!

Николай готов был поверить в искренность этого человека. Он тоже подозревал, что девушку столкнули со скалы. Она часто приходила сюда и стояла здесь, она кому-то мешала. Возможно, она что-то узнала и от нее хотели избавиться. А если это сделал тот, кого они ищут? Рязанцев говорил так искренне. А если он все же замешан в убийстве и сейчас искусно разыгрывает свою роль? Говорит, что нужно уехать. А если ему просто надо скрыться? Но он бы давно мог это сделать.

Рязанцев курил и курил, словно папиросный дым способен был снять с его сердца тяжесть. Оба смотрели на море, туда, где на противоположном берегу залива мигал маяк, предупреждая корабли о мели.

Рязанцев встал и проговорил:

— Пора, однако.

Поднялся и Николай.

— Расстраиваюсь я здесь, — продолжал лейтенант. — А не ходить сюда не могу.

— Может быть, вам и в самом деле лучше уехать.

— Я уже рапорт подал. Но очень трудно покинуть эти места. Словно я Надюше изменяю. Но все равно нужно, здесь я не найду покоя.

Расстались они возле дома Николая. Зубенко смотрел вслед лейтенанту и, когда он скрылся, тоже направился вниз, в город.

## Поиски следа

В тот же день утром, когда Князев доложил, что нарушитель границы ушел из-под наблюдения, Снегирев созвал оперативное совещание.

Капитан Князев сидел в уголке на стуле, облокотившись на колени и запустив пальцы в волосы. Худой и смуглый от природы, он еще больше осунулся за последнюю ночь, под глазами проступала синева. Он не мог простить себе оплошности, хотя в такой темноте очень трудно уследить за специально тренированным человеком. Он сознавал свою вину и остро переживал ее. Когда Снегирев начал говорить, он выпрямился на стуле и обвел взглядом офицеров, ожидая увидеть осуждающие взгляды, но все слушали подполковника.

— Товарищи, вчера ночью, — говорил Снегирев, — недалеко от города с подводной лодки неизвестной принадлежности был высажен человек. Сегодня утром этот человек сумел выскользнуть из-под наблюдения. Он должен быть обнаружен как можно быстрее. План выявления явок остается прежним. Привлечем в помощь работников милиции, железнодорожников и работников пароходства. За железную дорогу отвечает капитан Князев, за пароходные линии — майор Кондратьев. Я займусь проверкой тех, кто появится в городе с сегодняшнего утра.

Снегирев передал офицерам снимки.

— Эти фотографии помогут вам получить представление о человеке, который нас

интересует, хотя он сфотографирован только сзади и сидящим за рацией. Князев, ничего характерного не заметил в облике этого человека?

— Нет, товарищ подполковник. Самая обычная, не бросающаяся в глаза внешность. Среднего роста, плотный, короткие волосы. При нем был зеленый рюкзак с двумя кармашками сзади, которые застегиваются коричневыми ремешками. Такого же цвета заплечные ремни. Рюкзак, видимо, тяжелый, так как он его часто поправлял.

— Вопросы есть, товарищи?

Вопросов не было.

Когда Снегирев и Кондратьев остались одни в кабинете, подполковник сказал:

— Перед совещанием я узнавал, запеленгована ли работа радиостанции, на которой вчера работал высадившийся с лодки человек. Мне ответили, что нет. Прошляпить такое — надо просто уметь. Но здесь дело, видимо, в другом. На западе у одного из разоблаченных агентов изъята рация с узконаправленной антенной. Подобные агентурныерации почти не пеленгуются. Если взять во внимание, что наша служба пропустила четырехминутную передачу, значит и здесь появилась рация с узконаправленной антенной. Техническими средствами ее обнаружить трудно. И если бы морские пограничники не заметили чужой лодки, мы не смогли бы узнать, что к нам заброшен агент. План обнаружения его по работе радиостанции отпадает. Заметил он или нет слежку — вот вопрос. Если он не обнаружил ее и направлен сюда, то здесь и оседет, а если обнаружил, то постарается улизнуть.

— Загадка не из простых, — откликнулся майор. — Но, чтобы разгадать ее, надо иметь в виду оба варианта.

— Так мы и делаем. Давай занимайся пароходами. Первый из них уходит через шесть часов на Сахалин. О результатах сообщить мне сразу же.

— Понял, Владимир Сергеевич.

Поздно вечером к Снегиреву пришел Зубенко.

— Садись, Николай, — ответил на приветствие подполковник, показывая на стул рядом. — Я смотрел дело о девушке, которая погибла. Вот слушай заключение медицинской экспертизы: «...Пролом затылочной части черепа о камень, бесчисленные ушибы, ссадины и кровоподтеки по всему телу. Следов насильственных действий не обнаружено. Смерть наступила через несколько минут после падения». А вот что написано в акте осмотра места происшествия: «Место, с которого упала девушка, тщательно осмотрено. Никаких следов борьбы, никаких доказательств, проливающих свет на ее гибель, не обнаружено. Сыскная собака брала только след погибшей, который вел по дороге в город».

Подполковник отодвинул дело и посмотрел на Зубенко.

— Из дела явствует, что она была одна на скале. Смерть наступила между девятью тридцатью и десятью часами. В это время здесь уже довольно темно. И если взять во внимание, что все это произошло полтора месяца тому назад, то ясно, что это случилось в полной темноте. Возникает вопрос: могла ли девушка одна, без провожатого, пойти в это время на скалу? Как ты думаешь? Ты молодой...

— Одна?

Николай подумал об Ольге. Пошла бы она вечером туда, если, допустим, с тем местом у нее связаны какие-то светлые, приятные воспоминания? Она не из робкого десятка, волевая, серьезная.

— Мне кажется, что в этом нет ничего особенного. Возможно, девушка пришла туда раньше. Оттуда чудесный вид на ночное море, там хорошо мечтается. Может быть, девушка ждала кого-то.

Снегирев и сам думал, но ему хотелось проверить свои мысли. Он задумчиво полистал дело, потом снова заговорил:

— Вполне возможно, что это случайная смерть. Место открытое со всех сторон, дорога хорошо просматривается. Ночью там делать нечего, разве только мечтать... Но в то же время — там удобно расправиться с человеком, заманив его туда или просто выследив. А?

— Не знаю, Владимир Сергеевич.

— Удобное место... Теперь докладывай, что у тебя.

— Я встретился с Рязанцевым. Поговорили. Мне кажется, это не тот, кого видели ребята с фотоаппаратом.

— Это еще нужно доказать.

Николая сбили эти слова, и он замолчал.

— Дальше что?

Зубенко рассказал все, что знал о Рязанцеве, об их встрече и разговоре и высказал свое мнение:

— Мне очень хочется верить ему. Может быть, еще рано об этом говорить, но я думаю, что лейтенант был искренен со мной.

Снегирев посмотрел на Зубенко и ответил:

— Хорошо, что ты веришь в человека, и наш долг доказать, что он чист.

— Вы тоже уверены в этом?

— Наши чувства — это одно, я говорю, что наша обязанность — доказать.

Оставшись один, подполковник достал из стола и открыл тоненькое дело, в котором лежали первые результаты наблюдений и сообщения. Эти данные пока ничем не связаны между собой, чтобы можно было сделать логический вывод. Приходилось действовать вслепую, наугад прощупывать. Строительство завода подходит к концу, возможно враг втерся в число строителей? Тут еще человек с лодки...

На следующий день Кондратьев доложил, что результатов никаких. О том же доложил и Князев. Еще через день — то же самое. Враг словно сквозь землю провалился.

— Значит, круглосуточные дежурства на железнодорожном и морском вокзалах успеха не приносят, — заметил Снегирев Кондратьеву, когда тот на третий день доложил то же самое. — Человек с лодки или сумел ускользнуть, или затаился в Береговом. Я сообщал об этом в управление, там тоже принимают меры. Но я все же склонен думать, что человек в городе. Я запросил отделы кадров всех предприятий, чтобы нам сообщили о тех, кто будет устраиваться на работу после одиннадцатого.

— И как результаты? — спросил майор.

— Результаты есть. На строительство завода поступает четырнадцать человек. Среди них восемь женщин и девушек. Четверо на кирпичный завод, электрик — на ТЭЦ. Несколько человек поступают в другие предприятия. Вот такой результат. Это за два дня. Не меньше, видимо, будет и в последующие дни.

— Многовато, черт побери!

— Да, многовато. Из тех, кого я перечислил, интерес представляют: электрик с ТЭЦ, демобилизованный солдат, устраивающийся на завод, и один человек, вернувшийся из заключения. Остальные отсеиваются по возрасту, по времени прибытия и по другим причинам. Я уже запросил данные об этих троих с мест, откуда они прибыли. Через несколько дней просеем и их.

Пока Снегирев разговаривал с Кондратьевым, ему позвонили и сообщили, что еще несколько молодых людей поступают на строительство завода и демобилизованный сержант на узел связи рыбаков.

Снегирев записал то, что ему сообщили. Но больше его интересовали электрик с ТЭЦ и человек, который вышел из заключения. Электрик приехал одиннадцатого июля утром. Это был парень лет двадцати шести, сумрачного вида, какой-то настороженный, взвинченный. Человек, отсидевший пять лет за групповую кражу, был жизнерадостен и беззаботен. В городском ресторане познакомился с Иваном Козловым и его друзьями. Настораживало то, что он слишком сорил деньгами.

— Вот так, Глеб Романович. Подбросил нам работы пришелец с лодки.

— Такая уж у нас профессия. Что сообщает Князев?

— Тоже никаких результатов.

— Видимо, нарушитель и не пытался выехать из города.

— Черт его знает. Выйти пешком из города он не мог. На всех дорогах дежурят люди.

Он, в конце концов, не иголка и не невидимка. Просто вынужден будет появиться. Вчера Сомов доставил сюда его подводное снаряжение. Оно подтверждает, что он среднего роста, широкоплечий, видно, физически хорошо развит. Только и всего.

— А он не придет за этим снаряжением? Может быть, оно ему еще понадобится.

— Я принял меры на этот случай. Но думаю, что ему этот скафандр больше не нужен. Он его утопил в таком месте, где его невозможно достать без специального снаряжения. Баллоны и скафандр американского изготовления. Вот и все, что пока удалось узнать.

— Не богато.

Через несколько дней Снегиреву доложили, что документы и характеристики на лейтенанта Рязанцева безупречны и подозрения не вызывают. В Тамбов послали запрос на проверку подлинности этих документов. Но, сопоставляя некоторые детали и изучив дело о гибели девушки, Снегирев и так понял, что лейтенант здесь не при чем. Об этом говорит хотя бы и тот факт, что он в то время был в море. Но загадка так и остается загадкой — кому и чем помешала девушка? Что она могла знать? Возможного убийцу надо искать в числе тех, с кем она соприкасалась по работе, возможно, в числе ее знакомых.

## Завьялов

Ершов после ночного дозора возвращался с корабля домой. Настроение было неважное: упустили лодку. Попробовала она сунуться в наши воды, но тут же выскочила обратно.

День обещал быть солнечным и жарким. Дали раздвинулись. На небе ни облачка, кажется и не было сырых промозглых дней. В парках шелестят на ветру умытые туманами клены и тополя.

До обеда надо отдохнуть немного, а потом съездить в пионерлагерь к сыну.

Поднимаясь от проходной по склону, Ершов обратил внимание на человека, стоявшего наверху и разглядывавшего корабль с каким-то восхищением и радостью «Приезжий», — определил Ершов. На парне побелевшая гимнастерка с погонями сержанта, галифе и начищенные кирзовые сапоги. Что-то знакомое показалось капитан-лейтенанту в его широкоплечей невысокой фигуре, и он, поднимаясь, присматривался к человеку. А когда поднялся наверх — узнал.

— Леня! — громко позвал он.

Сержант, кажется, вздрогнул и повернулся. Нахмурившись, смотрел на подходившего офицера.

— Ну точно же — Леня... Здравствуй! Какими судьбами сюда?

Сержант тоже узнал Ершова. Обрадовался и пошел навстречу.

— Здравствуйте, Вадим Николаевич. Вот не ожидал. Даже вздрогнул, когда вы меня окликнули. Я считал, что у меня здесь, на востоке, нет никого знакомых. И вот такая встреча.

С сержантом Ершов познакомился в поезде, когда ехал в отпуск к родным в Минск. Леонид был соседом по купе. Общительный, веселый, он постоянно возился с Толиком и этим заслужил признательность Евгении Михайловны. Сержант служил в советских войсках в ГДР и возвращался из отпуска в часть. На одной из остановок Вадим Николаевич с женой что-то покупали на базарчике и не обратили внимания на гудок. Поезд тронулся. В вагоне остался Толя и с ним Леонид. Поезд, попыхивая белыми дымками, набирал скорость, и уже было опасно цепляться за подножки. Евгения Михайловна бросила все, что держала в руках, догоняя зеленые вагоны, но они быстро удалялись. Тут состав вдруг резко затормозил и остановился. Обрадованные Ершovy догнали свой вагон и поднялись на площадку. В тамбуре шумели проводники и начальник поезда. Они обрушились на Леонида, который сорвал стоп-кран. Железнодорожники составили акт, чтобы оштрафовать его. Вадим Николаевич взял вину на себя и заплатил штраф.

И вот неожиданная встреча.

— Так ты уже отслужил? — спрашивал Ершов.

— Так точно, — шутливо доложил Леонид. — Сержант Завьялов прибыл для

прохождения дальнейшей жизни на Дальний Восток.

— Здесь и думаешь остаться или еще куда переберешься?

— Не знаю еще. Я только сегодня приехал, пошел побродить и посмотреть город. Я первый раз на берегу моря. Здесь очень красиво. Даже не представлял себе, как красиво.

— Значит, нравится?

— Ага. Веселый город. Не шумный, зеленый. Можно и здесь остаться, если бы работу по душе найти.

Ершов помнил, что Леонид был в отпуске у матери, много рассказывал про нее, и спросил:

— А почему не к матери поехал? Или думаешь сюда ее перетянуть?

Сержант погрузился.

— Мама умерла. Вскоре после того, как я из отпуска вернулся. Больше родных нет, вот и решил подальше куда-нибудь уехать.

— Извини, Леня, не знал я. Где ты остановился?

— Пока нигде. Вещи сдал в камеру хранения. Но узнавал — в гостинице места есть. Так что с жильем все в порядке. А как Евгения Михайловна, Толя?

— Толя в пионерском лагере. Евгения Михайловна сейчас на работе. Вечером будет дома.

— Передавайте им привет.

— Спасибо, обязательно передам. Но ты вот что, запомни адрес: Портовая, 16, квартира 2. И сегодня вечером мы ждем тебя. Приходи обязательно. Извини, что сейчас не приглашаю, я с ночного дежурства.

— Обязательно зайду.

— Леня, ты ведь, кажется, по связи служил?

— Да, радистом.

— Я недавно слышал разговор о том, что радисты нужны на узел связи рыбаков. Думаю, подойдет.

— Можно обдумать.

— Можно и на рыболовный сейнер. Там прилично зарабатывают.

— Спасибо. Схожу, узнаю.

— Узел связи недалеко — вот то двухэтажное здание на берегу. Рядом с пирсами.

На следующий день Завьялов пришел устраиваться на узел связи рыбаков. Там проверили, как он работает, и остались довольны. Сержант и в самом деле был мастером своего дела.

## Игнат Ступак

Осенью сорок второго года Игнат Ступак совершил подлый поступок, смыть который с души у него и крови не хватило бы. Попал в плен. Не выдержал голода и побоев. Незадолго перед этим получил извещение о том, что дочь и жена погибли при бомбежке. На допросах рассказывал все, что знал, тем, кто убил его семью. Соглашался на любую службу, лишь бы остаться в живых. Некоторое время был полицаем, затем его отправили за Рейн, в глубь Германии, где он работал на небольшом военном заводе. Здесь и завербовали его гитлеровцы. Почти год обучался в немецкой разведывательной школе, а когда эту часть Германии заняли американцы, согласился работать на них. Обучение закончил в американской разведшколе. Ему, Ступаку, дали кличку «Скорпион». Под чужим именем в числе репатриированных вернулся в Россию, осел на Дальнем Востоке и стал ждать указаний. Обзавелся семьей, нашел работу. Время от времени отправлял в Западную Германию короткие письма, где сообщал «другу-антифашисту» о своих успехах, о семье и выражал надежду, что они еще встретятся.

Однажды дождливым вечером в квартиру Ступака постучали. Он открыл дверь и увидел незнакомого человека, худощавого и высокого, с пронзительным цепким взглядом. На нем был серый потертый плащ и промокшая от воды кепка. Незнакомец спросил:

- Семья Грибановых здесь живет?
- Нет. Никогда не жили они здесь.
- Но мне в горсправке дали этот адрес.
- Ошиблись.

Незнакомец понизил голос и сказал:

- Я к вам от Виктора.

Ступак в первый момент растерялся, услышав слова пароля, хотя не однажды ждал, что вот откроется дверь и он услышит их.

- Встретимся в городе. Сейчас же. Одевайтесь и выходите. Я к вам подойду.

Человек в плаще ушел. Ступак накинул на себя дождевик, но вышла жена и спросила:

- Кто это был? И куда ты в такую погоду?
- Заболел один наш товарищ. Надо проведать. Ты не беспокойся, я недолго.

На улице его догнал человек в плаще. Они укрылись от дождя на крыльце какого-то учреждения, откуда хорошо просматривалась улица. Незнакомец спросил:

- Жене вы не доверяете?
- Нет. Она ничего не знает.
- Понятно. Шеф считает, что вы отлично устроились и вошли в доверие. Поэтому он решил дать вам несложное задание. Надо собрать сведения о всех войсковых частях и соединениях в городе и окрестностях, о кораблях и военных складах. Сведения будете отсылать тем же способом, но по новому адресу. Вот вам бумажка, выучите его, а листок уничтожьте. Мне поручено передать вам пакет, в нем деньги и новые инструкции, которые тоже следует заучить и уничтожить. Наш центр дважды в неделю будет работать для вас. Ответы будете посылать почтой.

— Мне обещали доставить рацию.

— В этом пока нет необходимости. Начальство ценит вас и поэтому предложило более безопасные каналы связи, хотя и не очень оперативные. В пакете также находится портативный фотоаппарат, запасные кассеты с пленкой и инструкция пользования им.

- Инструкция в пакете?
- Да. Что от вас передать шефу?
- Поблагодарите за доверие и передайте, что задание будет выполнено.
- Хорошо. Ваш счет в банке солидно растет. Это просил передать шеф. Желаю успеха.
- Благодарю. Желаю того же и вам, — с чувством признательности ответил Ступак незнакомцу, так и не назвавшему себя.

Он проводил его взглядом, когда тот уходил по пустынной темной улице, и направился домой.

Инструкции Ступак вызубрил наизусть и уничтожил. Там сообщалось, в какие часы и на каких волнах для него будет работать центр. Когда в порту началось строительство завода, Ступак сообщил и об этом. За океаном понимали, насколько важна новая стройка для морского пароходства и военно-морского флота. «Скорпиону» предложили фотографировать разные стадии строительства и чертежи строящегося завода.

Однажды, под вечер, Ступак фотографировал стройку из-за забора, огораживающего территорию ТЭЦ. Перед этим он осмотрелся, нет ли кого поблизости. Щелкнул несколько раз аппаратом — снимки должны быть отличными — и, услышав позади шорох, обернулся. Отодвинув в заборе доску, в дыру пролезла девушка в рабочем темном платье. Она посмотрела на Ступака и прошла мимо. Он понял, что она все видела. Теперь, конечно, сразу побежит в органы. Какую неосторожность он допустил. Обидно попасться на таком пустяке. Подождав немного, Ступак пошел следом за девушкой. Если она заявит — надо немедленно исчезнуть. Он очень осторожно следил за ней, но она прошла мимо райотдела КГБ, хотя и взглянула на окна здания. Это усилило подозрения Ступака. На окраине девушка вошла во двор небольшого старого дома.

Ступак прождал в отдалении часа два. Слежку он не мог бросить. Девушка переоделась и вышла из дома. Направилась она не в город, а в сторону сопки. Ступак, поотстав, шел

следом. Он не понимал ее действий. Запутывает след? Едва ли ее умишко это сообразит. Но что она делает на скале? Ветер растрепал ее короткие волосы, она не поправляла их. Солнце закатилось, наступили сумерки. Девушка сидела все там же. Ее силуэт четко выделялся на краю площадки. Ступак подходил осторожно, стараясь не шуметь. Только бы она не встала раньше времени. Девушка тихонько напевала чистым нежным голосом и смотрела на огоньки кораблей, бороздивших темное море. Когда до нее осталось не более трех шагов, из-под ноги Ступака предательски вывернулся камень. Девушка вскочила и испуганно ойкнула.

— Простите, я не думал, что здесь кто-нибудь есть, — как можно спокойнее и вежливее сказал Ступак.

Девушка стояла спиной к морю на самом краю площадки и смотрела на него. Она узнала его и не могла вымолвить ни слова. Ступак сделал еще два шага, она подняла руку, словно для защиты, но он вдруг с силой толкнул ее ногой в живот. Жуткий вскрик оборвался внизу. Ступак бросился к темневшему на склоне орешнику. Там он обработал подошвы ботинок порошком, пакетик которого всегда имел при себе, и в обход сопки направился в город.

Через несколько дней он услышал, что в смерти девушки обвинили офицера, который с ней встречался. Ну, что же, подозрения на него, Ступака, нет. И опасаться за свою безопасность больше нет оснований.

Утром на склады завода привезли запасное имущество и материалы. Выгружала их бригада Ивана Козлова. Одна из машин была загружена двадцатилитровыми канистрами со спиртом. Бригадир подмигнул одному из своих друзей, и тот спрятал две канистры в хламе возле склада. Забросав их обрезками досок, он оглянулся, не заметил ли кто его проделки. Кажется все в порядке. Иван сумеет вынести их. Не первый раз. Однажды зимой он вынес дефицитные вещи, помогал ему электрик с ТЭЦ, который вовремя выключил свет на территории. Сорок литров спирта. Можно гульнуть.

Козлов продолжал вместе с рабочими разгружать машины. Он и не подозревал, что вся эта операция с канистрами не укрылась от глаз Алексея, новичка в их бригаде. Иван его сразу выделил. Компанейский парень, на язычок остер, да и силенки ему не занимать. Колю-рыбака, прозванного так за свой длинный нос, уложил аккуратненько на бровку, когда тот начал задирать его. А Иван уважал только сильных духом и телом, к обыкновенным «хлюпикам» питал презрение. Новенького даже можно приблизить. Пригласить хотя бы на этот спирт... Вынести его надо сегодня же.

Алексей Снегирев, продолжая разгружать машины, думал над тем, как же ребята думают выкрасть канистры с территории. Ее ведь охраняют, а через проходную без документов не вынесешь. На стройку после работы тоже не попадешь. Тут, видимо, есть какая-то лазейка. Может быть по воде? Но до берега далековато, а территория всю ночь освещена прожекторами.

Вместе со всеми Алексей вышел со стройки и остановился поодаль. Надо было узнать, куда направится бригадир. Проходная одна, мимо он не пройдет. Но Козлов не вышел со стройки. Алексей отошел к ТЭЦ и выбрал место на бугре, спрятавшись между штабелями железобетонных балок. Он весь вечер просидел там, наблюдая за проходной и подходами к забору стройки Козлов не появлялся. Алексей решил высидеть до конца, хотя был изрядно голоден.

Стемнело. Изрытая траншеями территория стройки, кирпичные корпуса цехов, сбегавшие прямо к стапелям, освещены хорошо. От белого двухэтажного здания, где будут располагаться пульты управления, в сторону ТЭЦ тянется глубокая траншея для кабеля. Она проходит под забором — отверстие внизу заставлено досками — и огибает бугор перед ТЭЦ.

Алексей не видел никого, кроме двух матросов возле проходной. Прошло часа три с лишним. У проходной произошла смена. Около двенадцати ночи как-то враз потухли все прожекторы. Но не прошло и двух минут, как они снова зажглись. В зоне и вокруг все было также пусто. Но вот внизу, в траншее, мелькнула тень. Алексей осторожно спустился с бугра, вышел на улицу и притаился за углом. Через минуту из-за дома кто-то выглянул и перебежал

улицу. Алексей без труда узнал Козлова. Ну ладно, пусть он несет спирт к себе домой, завтра вернет обратно. Но вот кто сообщник Козлова на электростанции? Это же он выключил прожекторы. И если тот человек помогает вору, он поможет и врагу.

Об этом надо сейчас же сообщить отцу. Алексей проводил глазами Козлова. Если бы он прошел за бригадиром еще метров двести, то своими глазами увидел бы того, кого здесь так настойчиво ищут.

Через несколько минут Алексей был возле райотдела, но только тут опомнился, что времени-то уже первый час. Он посмотрел на темные окна комнаты, выделенной отцу, и пошел в сторону общежития.

Для того, чтобы сфотографировать чертежи, необходимо было проникнуть на территорию строительства. Но Ступак прекрасно знал, что она хорошо охраняется. Попасть туда нелегально очень трудно, значит надо, искать какой-то легальный путь. Людей на заводе много, участие в строительстве принимают и многие городские организации. Вот если бы достать пропуск, можно было бы свободно заходить и выходить. Но где его взять?

То, что прожекторы погасли на какую-то минуту, видел и Ступак. Он бродил вокруг стройки, изучая и запоминая все мелочи, которые должны ему пригодиться. Когда стало непривычно темно, Ступак понял, что дело здесь нечисто. Снова зажглись прожекторы, и он обратил внимание на траншею под забором. Вот где удобный путь на стройку.

И тут же — подтверждение догадки. По траншее пробирался человек. Оглядываясь по сторонам, он вылез наверх и свернул в первую улицу. Вот так же, видимо, было похищено зимой дефицитное оборудование. Этот разговор Ступак слышал от знакомых. В проскользнувшей мимо фигуре он узнал руководителя одной из бригад. Вот через кого можно достать пропуск. Ступак хорошо запомнил здоровяка с льяными кудрявыми волосами. Видел он его несколько раз в компании бесшабашных парней. Тогда же понял, что кудрявый великан — бригадир, а парни — члены его бригады. Ступак параллельной улицей обогнал бригадира, встал за забором. Когда Козлов поравнялся с ним, он негромко, но властно сказал:

— Стой!

Бригадир хотел было бросить канистры и бежать, но человек за забором насмешливо заметил:

— Убегать бесполезно.

Козлов свернул к забору и поставил канистры в траву. Выпрямился, смахнул с лица пот.

— Что надо? — грубо спросил он басом, сиюсь рассмотреть незнакомца, который стоял в тени дерева. — Хочешь, чтобы поделился? Или продать задумал?

— Продавать — ты дешево стоишь. Хочу купить.

— Что, спирт?

— Нет. Тебя.

— Ну ты, дешевка.

Бригадир взялся за край забора своими ручищами и хотел притянуть к себе стоявшего в тени. Но, увидев перед самым носом пистолет, смотривший темным зрачком, отпрянул назад.

— Не нервничай, мальчик. И не пори горячку, — насмешливо предупредил человек. — Этим только испортишь дело и собственную шкуру.

Бригадир исподлобья смотрел на говорившего. Он не мог понять, что тому надо. Спирт не берет, продавать — тоже, видать, не собирается. Он достал портсигар и закурил. Незнакомец продолжал:

— Есть способ легко и быстро заработать большие деньги, не пачкаться с этими банками. Такому солидному человеку как-то даже неприлично...

— Ну?

— Не нукай. Сейчас я держу вожжи... И крепко. Могу, к примеру говорю, упрятать тебя и твоих дружков лет на пятнадцать. За банки и ящики с оборудованием.

— Какие ящики?

— Что по снежку увели со складов.



- Ну, ладно, кончай в прятки играть. Говори, что надо.
- Вот это деловой разговор. Надо, чтобы ты достал пропуск на стройку.
- Придумал. Они что, на дороге валяются?
- Валялись бы, так я тут с тобой не стоял, а пошел да позвонил, куда надо.
- Пугаешь?
- Ты не баба, я не черт. Дело предлагаю выгодное. Достанешь — хорошо заработаешь.

Не достанешь, тоже хорошо заработаешь. Знаешь, за групповую сколько дадут.

Бригадир прикидывал, что это за тип. Не грабит, не бьет, а за горло взял — ту же некуда. Зачем человеку пропуск на такую стройку? Здесь что-то не то... И не вырваться от него — удерешь — он запросто продаст. Нагорит тогда, действительно, на всю катушку. Кто он такой?

— Прикидываешь, как выкрутиться? Бесполезно. Мне с тобой тут толковать некогда, решай быстро. Выбор небогатый.

— Что решай? За глотку взял... и решай.

— Соглашайся.

— Сколько заплатишь?

— Не обидишься.

— Ладно. Твоя взяла.

— Говорю, не обидишься. Можешь верить А пока вот тебе аванс.

Человек достал из кармана и бросил через забор деньги. Бумажки разлетелись по траве.

— Наглец ты. Подать не можешь? — со злостью проговорил Иван.

— Нагнешься, — спокойно ответил незнакомец.

— Боишься, что ли?

— Хватит болтать. Бери и иди.

Сказано было таким тоном, что бригадир без слов нагнулся и собрал белевшие на траве бумажки. Сумма и в самом деле, кажется, приличная. Иван сунул деньги в карман.

— Когда достанешь пропуск, носи свою кепку козырьком назад. Я подойду к тебе.

Человек отступил назад и ушел. Бригадир почесал затылок, посмотрел в обе стороны пустынной улицы, подхватил канистры и направился домой. Он шел и думал о случившемся и даже забыл, что несет краденое и что надо быть осторожнее. Его возмутило то, что человек бросил ему деньги в лицо. Мол, на — подавись. Такого оскорбления Иван еще ни от кого не испытывал. В душе у него кипело, злость рвалась наружу. Но было уже поздно что-либо изменить, и это еще больше выводило его из себя. Он ругал себя за то, что не прыгнул через забор, не задавил этого наглеца. «Заяц, — с сарказмом думал он о себе. — Показали дуло — и душа в пятки. Но подожди, я брошу эти деньги в твою наглуую рожу. Не будь я Козлов. Думаешь купил? Увижу я твое мурло и посмотрим, кто будет смеяться последним».

Приближаясь к дому, Иван постепенно успокаивался, и мысли его принимали другой оборот. Пропуск... А что надо этому человеку на стройке? Таким путем с добрыми делами не идут. Выходит, он, Иван, продался врагу? Козлов даже остановился, поняв это. Он поставил канистры и ладонью вытер пот со лба. Вот как оборачивается дело. Иван Козлов — сообщник врага. Ах ты, стерва.

Он снова подхватил банки и заспешил домой. Дома его поджидали дружки. Они обрадовались, но Козлов поставил канистры в угол и предупредил:

— Кто хоть каплю тронет — оторву голову. Сегодня пьянки не будет, можете разбегаться.

— Да ты что, очумел?

— Говорю — не будет. Баста. Разбегайтесь, иду в милицию.

Бригадир повернулся и ушел. Парни пожали плечами. Но послушаться бригадира не посмели и разошлись по домам.

Через полчаса Иван вошел в отделение милиции. Дежурный лейтенант лежал на диване и читал. Он отложил книгу и поднялся.

— Здравьете... — произнес Иван.

— Здравствуйте. В чем дело?

Лейтенант прошел к столу и сел. Указал Ивану на стул напротив.

— Садитесь. Слушаю вас.

— Вот что, товарищ... гражданин начальник...

Бригадир мялся, подыскивая слова, и комкал в огромных ручищах повидавшую виды серенькую кепку.

— В общем — вор я. Украл две канистры спирту.

— Где?

— На стройке, где работаю.

— Когда?

— Час или полтора тому назад.

Лейтенант открыл журнал и стал записывать.

— Фамилия? Имя? Отчество?

Бригадир назвал.

— Все? Или есть что добавить?

— Это одно, что украл. Только из-за этого не пошел бы сюда. Но черт с ним, отвечать буду. Дело вот какое... Несу спирт домой, подзывает меня один тип. Пропуск, говорит, достань на стройку. Хорошо заплачу. Не достанешь — пятнадцать лет получишь. Вот этого типа расколоть надо. Кто пропуск таким путем достает? Не иначе, на заводе задумал натворить что...

— Какой он из себя? И где он сейчас?

— Где, не знаю. Ушел. А какой он из себя... тоже не знаю, — бригадир развел руками. — Стоял за забором в тени. Показывал пистолет, чтобы я его не задавил. Бросил вот мне в морду...

Козлов достал и выложил на стол деньги.

— Купить хотел, гад. Только осечка вышла.

— Вот что, сейчас все спят. Вы тоже можете отдохнуть вон на том диване. Утром с вами побеседуют.

Козлов сидел на диване и курил папиросу за папиросой. Минутами жалел, что сам залез в петлю. Но подумав о незнакомце, опять хмурился и сжимал кулаки. Лейтенант незаметно наблюдал за ним: мается парень, видно жалеет, что пришел.

— Ну, что ты смалишь одну за другой? — грубовато проговорил он. — Жалеешь, что пришел?

— Да нет. Надо бы сгрести того типа. Да пистолет у него, не прыгнешь. Но он еще придет до меня... А жалеть, что ж, приходится. Кому охота сидеть, да еще такой срок.

— А ты раньше времени не переживай. Пришел сам, чистосердечно все рассказал. А это большое дело — самому решиться. Да и потом, что за птица этот тип? Может быть, твоя помощь потребуется. Только уж «завязать» тебе теперь придется накрепко.

— Это зарок. Тот гад за горло взял — недохнешь. К честному не подошел. Выбрал к кому... За последнего, видать, посчитал. Деньги бросил в морду, паскуда! Встретить бы его на узкой дорожке, я бы из него душу вытряхнул. «Тебя хочу купить». Это про меня так. Выходит, дожил я. Разная тварь грязными руками за горло берет. Докатился, дальше некуда. Но только хватит, баста.

Больше всего возмущало Ивана, что какой-то тип, как теленку, тыкал ему в морду, а он и постоять за себя не мог. Раньше разговаривали с ним так? Кто вставал ему на дороге? Вот только один, старший лейтенант... Вежливо, но сильно подрезал Ивану хвост. Не дрогнул, не испугался. Это был первый, кто заставил Ивана задуматься о себе, как о человеке. Больно было отступаться от Ольги, но Иван осознавал, что офицер сильнее его духом и волей. За таким любая пойдет, только помани пальцем. Шли и за ним, но не те, далеко им до Оли, как и ему до того старшего лейтенанта. Это и наводило его на размышления о своей жизни однобокой, неполной. Хотелось хоть чуточку походить на старшего лейтенанта, быть не только сильным, пугалом. Выходит, за кулаки уважали дружки его. И тот гад — взял и купил. И не спросил...

Утром на следующий день Иван Козлов сидел перед Снегиревым. Невысокий пожилой

человек с седыми волосами говорил о том, о чем всю ночь думал бригадир. Скупые и точные слова жгли душу каленым железом.

— Преступник идет к преступнику. Из тысяч честных людей он выбрал именно вас. Это логика. Он знал, что только у таких, как вы, он может найти поддержку и помощь. Задумывались вы об этом?

— Всю ночь думал. Не терзайте душу... прошу вас. Заслужил — наказывайте. Сам пришел. Но на одну доску с тем не ставьте. Я искуплю вину. Отсижу, но буду человеком. Будут уважать не за кулаки и ловкие проделки...

— Где вы условились встретиться с ним?

— Нигде. Он сказал, чтобы я носил кепку козырьком назад, когда достану пропуск. Он тогда ко мне подойдет. А где и когда — не говорил.

Снегирев верил этому белоголовому гиганту. Пожалуй, стоит поручить ему установить связь с неизвестными.

— Как выглядит этот человек? Опишите, что помните.

— Я не смог его рассмотреть. Он стоял за забором в тени дерева. Над досками виднелись часть лица, глаза, лоб. Глаза в темноте не рассмотришь, а лоб, мне показалось, высокий, покатый. Брови темные, широкие, от темноты может быть. И волосы на голове, кажется, зачесаны назад. Только точно не утверждаю. Во что одет, сказать не могу. Я хотел было дотянуться до него да тряхнуть как следует, но он сунул мне под нос пистолет.

— Раньше вам не приходилось его встречать?

— Нет, не припомню.

— Откуда же он вас знает?

Козлов пожал плечами.

— Фигура приметная.

— Нам хотите помочь?

— Хочу. Сделаю все, что поручите.

— Я дам вам пропуск. Тому человеку скажете, что вы его выкрали. Через несколько дней можете надеть свою кепку козырьком назад. Постарайтесь при встрече хорошо запомнить внешность этого человека. Передатите пропуск, возьмите плату, как и договорились. Больше от вас ничего не требуется. Если он вам поручит еще что-либо, сообщите нам вот по этому телефону, но так, чтобы вас никто не видел. Не обращайтесь на то, что за вами будут присматривать. Все понятно?

— Так точно, — ответил Козлов по-военному, как отвечал когда-то на срочной службе. — Со спиртом что делать?

— Пусть находится пока у вас. Или опасаетесь, что не удержитесь?

— Да нет. Это отрезано. Только как с милицией? Меня это время не потревожат?

— Пока нет.

— Можно мне идти?

— Да.

Снегирев приказал вывести Козлова через двор. Потом задумался. Кто этот неизвестный? Тот ли, кто интересовался заводом, или это второй, с лодки? Его нужно найти и установить за ним наблюдение. Сделать это будет несложно, если он воспользуется пропуском независимо от того, сменит ли там фотокарточку или вытравит фамилию.

Попросив разрешения, в кабинет вошел один из оперативных работников. Он положил перед Снегиревым несколько листков с цифровыми текстами и сказал:

— Перехваченные радиogramмы расшифровке пока не поддаются, кроме первых групп, в которых была зашифрована, видимо, кличка «Скорпион». В некоторых радиogramмах последних дней на первом месте стоит «Агент У-8». Передачи проводились в одно и тоже время в вечерние и дублировались в ночные часы. Сегодня нашей службой обнаружена работа неизвестной радиостанции. Связь была короткой — восемь секунд. Пеленги приблизительны — район Берегового. Флотское командование на наш запрос ответило, что в это время их станции в эфире не находились.

— Интересно, — откликнулся Снегирев. — Может быть, это отвечал «Скорпион» или «Агент У-8»? Как думаете?

— Не могу сказать. Но предположить можно, что это ответ центру.

«Появился, наконец, «Скорпион», — подумал подполковник. — Долго же ты скрывался».

После войны Снегиреву пришлось вести дело в Прибалтике. Шпион, спасая свою шкуру, дал много ценных сведений и, в частности, сказал, что для работы в Советском Союзе в той же школе готовили еще одного человека, которого он ни разу не видел, но знает, что ему дана кличка «Скорпион». Видимо, он был тщательно законспирирован и долгое время не «работал», выжидал. А сейчас хозяева решили, что можно использовать и его.

Отсюда вытекает, что «Скорпион» — это тот, кто фотографировал завод и корабли. «Агент У-8» — «гость» с лодки.

Офицеру Снегирев сказал:

— Надо постараться следующую передачу взять полностью.

— Меры к этому приняты. У меня все. Разрешите идти?

— Да, пожалуйста.

Так вот как поворачиваются события. Надо полагать, что это «Скорпион» ищет возможность попасть на стройку. Пусть идет в расставленные сети.

Через три дня Иван Козлов, как и было условлено, надел свою кепку козырьком назад.

## Семья Воробьевых

Николай и Ольга не могли видеться часто, хотя обоих очень тянуло друг к другу. Зубенко уже почти все знал о родителях Ольги по ее рассказам. Мать ее добрая, спокойная женщина. Она души не чаёт в своей единственной дочери и ее отчиму, который «дай бог, чтобы и родной таким был». Дочь ничего не скрывает от нее. Поэтому она знает о Николае все, что знает о нем Ольга. Мать уже несколько раз просила дочь, чтобы она пригласила Николая к себе, ей очень хотелось увидеть и узнать поближе друга своей дочери.

В тот вечер Николай встретил Ольгу у проходной. Она спрятала пропуск в сумочку и спросила:

— Ты сегодня свободен? Или как обычно — служба.

— Свободен сегодня.

Николай не мог сдержать улыбку: слишком уж неприкрыт упрек в голосе девушки. Она нахмурилась и спросила:

— Чему ты смеешься?

— Я не смеюсь. Просто рад, что мы, хотя бы и случайно, встретились. И к тому же, я всегда рад, когда вижу тебя.

— В таком случае ты бы мог почаще случайно встречаться со мной.

— Но сегодня я ждал.

— Мама опять спрашивала, когда ты к нам зайдешь. И я тоже хочу, чтобы ты познакомился с моими родителями.

— Хорошо. Но... понравлюсь ли я им?

— Можешь не беспокоиться, маме ты уже нравишься. Она тебя заочно знает. Я от нее ничего не скрываю.

— И ты ей все рассказываешь?

— Конечно.

— И даже — что целовались?

— Ну что ты. Разве такие вещи матерям рассказывают? Они сами догадываются, можешь не беспокоиться. К тому же и отец часто спрашивает о тебе.

— И он дома будет?

— Дома. Он сейчас тоже на стройке работает. Ведут монтаж электрооборудования. Его пригласили как специалиста возглавить эти работы. — И вдруг она рассмеялась.

— Знаешь, иду сейчас к проходной и встречает меня... кто думаешь?

— Иван Козлов.

— Да. Какой ты догадливый... Он извинился так это вежливо, по-джентльментски и попросил меня задержаться. Я, конечно, остановилась. Смотрю на эту каланчу снизу вверх и сама себе кажусь такой малюсенькой. Иван помялся, как слон, вздохнул, ну прямо, как паровоз, и спрашивает: «Ольга, вы сегодня свободны?» С первого дня, хотя мы были даже и не знакомы, он называл меня на ты. И вдруг такая вежливость и официальность. Я говорю: «Нет». Он копнул носком глину и снова спрашивает: «С ним?» Я говорю: «Да». Он вздохнул и говорит трагическим голосом: «Счастличик»... И забыв попрощаться, отвернулся и ушел. Мне почему-то жаль стало его. Какой-то тихий он. Кепку-блин надел задом-наперед. Большой, неловкий... Ты не обижаешься?

— На него?

— На меня.

— По-моему, не на что. А Козлов, мне кажется, неплохой парень. Много у него напускного, наносного. Браводы, что ли?

— Вы с ним больше не встречались?

— Нет, не приходилось, — покривил душой Николай. Не хотелось ему говорить девушке о стычке и угрозах Козлова.

Мать Ольги встретила Николая радостным возгласом:

— Здравствуйте, здравствуйте. Проходите, пожалуйста. Трофим, к нам гость.

Из комнаты вышел крупный мужчина в пижамной куртке и комнатных туфлях. Он с интересом взглянул на вошедшего. Зубенко узнал в нем того, кто рассматривал его в тот раз у киоска. Теперь Николаю стало понятно его любопытство. Отец Ольги, по-видимому, уже знал его по разговорам.

Мать девушки оказалась высокой, полной, еще не старой женщиной.

Николая пригласили в комнату, Ольга подала ему стул. Трофим Ефимович ушел в другую комнату и вскоре вышел в пиджаке, неся в руке коробку с папиросами. Поставил ее на стол и предложил:

— Курите.

Николай поблагодарил. Чувствовал он себя в гостях свободно. Родители Ольги оказались гостеприимными и добрыми. Трофим Ефимович расположился на диване и перетянул к себе Николая.

Отец Оли уже пожилой, с крупными чертами лица; в коротких, зачесанных назад волосах уже проглядывала седина. Был он чисто выбрит и держался просто.

Он завел разговор на свою любимую тему: об электротехнике, в которой Николай немного разобрался.

Вошла Екатерина Алексеевна с тарелкой румяных и пышных пирожков.

— Попробуйте-ка, что у нас получилось. Пирожки с черемухой. Еще с прошлого года осталась.

Николай понял, что черемуху берегли для торжественных случаев. Его мать тоже в такие дни много пекла и стряпала. Он попробовал пирожок, который оказался таким вкусным и пахучим, что Николай от чистого сердца похвалил хозяйку. Потом пили чай, Екатерина Алексеевна без конца подкладывала Николаю то пирожки, то варенье и приговаривала:

— Кушайте, кушайте на здоровье. Я вижу, что вам понравилось.

Трофим Ефимович с улыбкой поглядывал на нее. Этот крупный мужчина имел, по-видимому, очень доброе, мягкое сердце. Жену он называл не иначе, как Катюша, а дочь — Олюша. У него открытый взгляд, волевой подбородок, высокий лоб. Улыбался он широко, отчего возле глаз собирались веселые морщинки.

Отец Оли тоже присматривался к молодому человеку. И по его виду можно было понять, что тот ему нравится. Гость высок ростом, крепок фигурой, темные волнистые волосы спадают на лоб. Взгляд открытый, прямой. Держится с достоинством и очень вежлив. Мать сразу расположил к себе, это видно по ее сияющему лицу — довольна за дочь. А понравиться ей не

так-то просто. Любит людей начитанных, эрудированных, с которыми приятно побеседовать, узнать что-то новое. Да, в конце концов, и Оля не какая-нибудь замухрышка. Рослая, красивая девушка.

— Я уже несколько дней работаю на стройке, — рассказывал Трофим Ефимович. — Предложили заняться установкой электрооборудования для управления стапельным хозяйством. Интересная работа. Много новинок в дистанционном управлении.

— Я слышал, завод скоро будут сдавать, — поинтересовался Николай.

— Где-то в конце лета. В некоторых цехах уже можно приступать к работе, а остальные заканчивают. Держит пульт управления. Вот и приходится форсировать монтаж аппаратуры.

Екатерина Алексеевна расспрашивала Николая о его родителях, кто они, где живут, работают, много ли в семье детей. Николай отвечал и поглядывал на Ольгу. Она была довольна, что он пришелся по сердцу отцу и матери.

Когда Ольга и Николай пошли побродить по городу, Екатерина Алексеевна строго наказывала ему заходить почаще. Она вышла проводить их на крыльцо.

Трофим Ефимович пожал на прощание руку Николаю, и тот почувствовал насколько она крепка и сильна.

Зубенко с девушкой направились на набережную к бухте, куда по вечерам стекались отдыхающие.

## Закономерное совпадение

Утром подполковник Снегирев позвонил в отдел и спросил, есть ли что нового. Ему ответили, что есть. Через пятнадцать минут он просматривал пришедшие без него бумаги. Это было сообщение о том, что Завьялов Леонид Григорьевич, отслужив срочную службу, утонул перед выездом на родину. Его матери, проживающей в Смоленске, командованием части было послано извещение о его гибели. Служил Завьялов в технических войсках, расквартированных за границей.

Просмотрев бумаги, Снегирев забарабанил пальцами по столу. Теперь понятно, кто такой Завьялов. Снабдили украденными документами и направили в другой район, а может быть, причастны и к гибели настоящего Завьялова.

Подполковник вызвал заместителя и сказал ему:

— Людей из порта и с железнодорожного вокзала снять. «Гость» с лодки — это радист Завьялов с узла связи рыбаков, он же «Агент У-8».

Кондратьев прочитал сообщение.

— Для нас время очень дорого, — заметил Снегирев. — Я думаю, надо подтолкнуть события и сделать проверку. Сегодня должен работать центр на Тайване. Если он почему-либо не появится, а это бывает часто, распорядись, Глеб Романович, чтобы вечером на его волне была передана одна из радиogramм, которые адресуются «Агенту У-8». Подберите идентичный тон передатчика и радиста со схожим почерком.

— А если это все же не «Агент У-8»?

— Вот это и узнаем.

— Понятно.

Вечером Завьялов заступил дежурить по узлу связи. Из диспетчерской в щель квадратного окошечка, в которое передают тексты радиogramм, наблюдал Зубенко. Рядом сидел Снегирев.

В восемь часов Завьялов сел за один из свободных приемников и начал настраивать его, словно бы слушал передачи от нечего делать. Потом притянул к себе бланк и, откинувшись на спинку стула, стал писать, выражая своей позой небрежность и равнодушие.

Снегирев прослушивал эту же волну на портативном приемнике, который захватил с собой. Он слышал, когда наша станция начала работу, и видел в щель, как карандаш Завьялова бегал по бумаге. В зале, кроме Завьялова, сидели еще двое радистов. Работы не было, и они спокойно покручивали ручки настройки, следя за волной. На Завьялова они не обращали

внимания, сами частенько вот так же тренировались в приеме с эфира. Если бы не напряжение, с каким рука Завьялова бегала по бумаге, можно было подумать, что он просто слушает музыку. Но вот передающая станция внезапно, не закончив радиограмму, замолчала. Рука Завьялова замерла над бумагой, он подождал несколько минут, незаметно сунул бланк в карман.

Зубенко и подполковник прошли в смежную комнату. Там сидел майор Кондратьев.

— Ну и как? — с интересом спросил он.

— Принимал, — ответил Снегирев. — Натренирован и чувствует себя спокойно. Видимо, отсюда он и на передачу работал. Теперь надо проследить, как он будет запрашивать, прерванную радиограмму. Обычно центр повторяет ее в ночном сеансе. Ночью Завьялов опять будет слушать эфир. Так мне кажется. Если бы знать, кто еще слушает эту волну?

— Считай, что дело было бы сделано, — откликнулся Кондратьев.

— Да, Завьялов, по-видимому, привез с собой деньги или инструкции «Скорпиону». Установили ли они эту связь? Завьялова нельзя выпускать из-под наблюдения ни на минуту.

— А если арестовать? Прокуратура даст ордер на арест. У нас уже достаточно доказательств...

— Нельзя, — ответил подполковник. — Арест Завьялова насторожит, а то и спугнет «Скорпиона». Тут рисковать мы не можем. Создадим условия, чтобы Завьялов не мог пользоваться аппаратурой узла, возьмем разрешение задерживать его почту, если он куда-либо пишет. До сдачи завода осталось немного. Человек, который хотел достать пропуск на территорию стройки через Козлова, по какой-то причине отказался от него. Возможно, заподозрил слежку, хотя с нашей стороны было предусмотрено все. Предполагаю, что он изыскивает другой путь. А может быть, уже нашел. Но там есть наши люди, и на стройке ничего подозрительного пока не замечено, кроме кражи спирта.

Время приближалось к двадцати трем часам, началу второго сеанса. Снегирев посмотрел на часы и заметил:

— Сейчас мы узнаем, пользуется ли Завьялов аппаратурой узла, как мы подозреваем. Иди, Николай, посмотри, что он делает.

Зубенко ушел, но вскоре вернулся и сделал знак осторожно следовать за ним. Снегирев и Кондратьев прошли в комнату, из которой уже наблюдали за Завьяловым. Снегирев заглянул в зал. На тех же местах сидели два других радиста. Завьялов стучал на ключе. Перед ним на столе стоял магнитофон, диски которого крутились. Подполковник понял, что Завьялов записывает свою работу на магнитную ленту, чтобы затем на большой скорости прокрутить ее в эфир.

Завьялов кончил стучать на ключе и перемотал ленту в исходное положение. Затем включил передатчик. Подполковник засекал время: шесть секунд длилась передача. Радист настолько был уверен в своей безопасности, что прокрутил ленту вторично. Затем выключил передатчик и стал прокручивать кассеты на малой скорости: стирал записанную радиограмму.

Снегирев сделал знак, и офицеры вышли из здания. За воротами проходной они сели в ожидавшую их машину и уехали...

Завьялов не предпринимал никаких шагов, которые навели бы на него какие-то подозрения. К работе относился со старанием, был весел, общителен, хотя знакомыми и друзьями не обзаводился. В городе бывал редко, и, если бы Снегирев не располагал данными, полученными в последние дни, то попробуй заподозри его в чем-либо. Но теперь контролировался каждый его шаг на узле связи и за воротами проходной.

Только через неделю после начала работы с центром Завьялов пошел в город. Накануне в его адрес передавалась радиограмма центра. Побродив по городу, Завьялов подошел к кассе кинотеатра, потом спустился на набережную, сидел в парке. В контакт ни с кем не вступал, если не считать кассира кинотеатра, где взял билет на восемь вечера. Перед восьмью направился к кинотеатру. В зале за его спиной сидел Кондратьев, справа — пожилая женщина, слева — юная пара. Юноша и при свете держал девушку за руку. Завьялов в кинотеатре ни с кем не разговаривал. После сеанса вышел вместе со всеми и направился прямо домой.

Утром Кондратьев был у Снегирева.

— Странно, очень странно, что он не ищет никаких связей и ничего не предпринимает, — заметил подполковник, выслушав заместителя. — Его не интересует ни почта, ни стройка. Затаился? Выжидает? Или все же он имеет какой-то способ связи с тем, вторым? Телефоном он тоже не пользуется.

— Обживается, — откликнулся майор. — Может быть и не имел задания искать связи.

— Тогда непонятно, для чего он здесь? Сбить след, отвести возможное подозрение от «Скорпиона»? Очень непонятно.

Кондратьев прошелся по кабинету и остановился у раскрытого окна. Сквозь тополиную листву виднелся кусок моря.

— Почему в городах сажают одни тополя?

Снегирев подошел к Кондратьеву и стал рядом.

Тучноватый майор отодвинулся чуть в сторону, давая ему место.

— Да, я тоже давно задаюсь этим вопросом, — ответил Снегирев. — Почему? Здесь и яблони возьмутся, наши — дальневосточные, и груши, и вишня. Какое у нас есть красивое дерево: русская береза. И ни в одном городе не увидишь ее. Рябина, хвойные деревья просто бы украсили любой парк, сквер, улицу. Сколько частных садилов в городе. И в каждом яблони, груши, смородина. А как бы красиво выглядела, ну, скажем, яблоневая аллея. Улица, обсаженная березками, пихтой, елью. На своей улице мы с ребятами начали сажать яблони. Квартала на два уже вытянулась наша аллея. Видел, как она весной цвела?

— Видел.

— Красота. Идешь, как по саду. Такой аромат, что дух захватывает.

Кондратьев знал страсть Снегирева к садоводству и заметил шутливо:

— Вам бы, Владимир Сергеевич, главным садоводом города быть. За несколько лет превратили бы его в фруктовый сад.

— Хочешь меня в расход?

— Да нет. Вы и здесь на своем месте. Замену вам трудно найти.

— А сады я люблю, — признался Снегирев, глядя из окна на расстилавшийся перед ним город и на редкие пятна зелени в нем. — Просто нахожу удовольствие возиться в саду, садить, ухаживать. Дышать этой свежестью, видеть, как тянутся тонкие деревца к солнцу, выбрасывают нежные клейкие листочки, наливаются соками. Мне кажется, каждый человек любит природу, сады, деревья, только не все считают, что их надо разводить. Зеленый украшает нашу землю, нашу жизнь, воспитывает у людей любовь к природе, к труду. Вырастить хотя бы небольшой сад — это значит, подарить себе и людям радость. Может быть, потому я люблю это занятие, что мне всю жизнь приходится выкорчевывать из нашего общества такие сорняки, как Завьялов.

Снегирев отошел от окна и сел за стол.

— Русский же парень. Видимо, воспитывался в нашем обществе, имел или имеет родных, знакомых, товарищей. Кто его просмотрел? Почему он пошел по этой дороге? Жил среди наших людей, дышал одним с ними воздухом, так почему он стал выродком? Кто-то когда-то допустил ошибку, другую, потом он сам стал допускать их. Плохо, очень плохо, что мы порой проходим равнодушно мимо молодого слабого деревца и только потому, что растет оно в чужом саду, не помогаем ему набраться сил, тянуться к солнцу. А у нерадивого хозяина оно может захиреть и погибнуть.

— В семье, говорят, не без урда, — откликнулся от окна Кондратьев. — Эти выродки в процентном отношении — просто капля в море.

— Но от всех нас зависит, чтобы этой капли вообще не было.

— Так оно.

— Многие из таких вот впоследствии каются о содеянном. Но кто стоял рядом с этим человеком, когда он впервые задумал обмануть, покривить душой, возможно, пойти на преступление? Любого человек не сразу решается на это.

— Равнодушие к чужой судьбе.



— Да, да. Преступно равнодушие. Мы все еще не можем изжить страшный порок капиталистического общества: моя хата с краю. И порой на наших глазах ломается чья-то судьба, чья-то жизнь, а мы равнодушно проходим мимо. В подавляющем большинстве наши люди воспитываются не так, но серая обывательщина кое-где бытует еще. Я много лет присматриваюсь к судьбам тех, кого забрасывают на нашу территорию. И получается примерно такая картина. Человек воспитан в духе личного благополучия. В детстве и юности он не имел недостатка ни в чем. И вот, столкнувшись с первыми трудностями, он пасует, отступает, ищет кривые дорожки. Эгоист где-то сталкивается с интересами общества, коллектива. Он нарушает их, обходит стороной. Отсюда первые, пусть небольшие, преступления перед обществом. А от маленького до большого шаг не такой уж длинный. В конце концов перед таким человеком встает дилемма: или с обществом, с коллективом, или против него. Нейтрального пути здесь нет. Мне все жаль, когда в саду гибнет дерево. И во сто крат жаль, когда вот так гибнет человек — с первых самостоятельных шагов в жизни. Гибнет, когда отходит от коллектива, от общества.

Снегирев встал и прошелся по кабинету.

— Так говоришь, Глеб Романович, Завьялов и не пытался ни с кем вступить в контакт?

— Нет, Владимир Сергеевич. Вел себя спокойно и равнодушно ко всему окружающему.

— Ну, равнодушие-то это показное. Расскажи-ка поподробнее все, что запомнил в его поведении.

— В поведении? Вошел в зал за несколько минут до сеанса. До этого прогуливался возле кинотеатра. Нашел свое место и сел. Сидел, облокотившись на левую ручку кресла. Иногда почесывал ухо, правую руку часто держал в кармане.

— Постой-ка, постой-ка. Какую руку подносил к уху, когда почесывал?

— Правую.

— Так. В какое время? Приблизительно, хотя бы...

— Минут через пять-десять после начала сеанса. И после половины сеанса.

— О чем был фильм?

Кондратьев внимательно посмотрел на подполковника. До него уже стал доходить смысл его вопросов. Как же он сам не догадался?

— О чем — я не запомнил...

— Это хорошо, — быстро заметил Снегирев, поглощенный своими мыслями. — Значит, внимательно следил за Завьяловым. Но не увидел главного. Куда он опускал руку? На колени, на спинку кресла или...

— Он опускал ее в карман и так сидел, не двигаясь. Потом уже облокотился на спинку переднего кресла.

— Вот, вот. Теперь понял, в чем дело?

— Да, понял. Но у нас такую аппаратуру еще не применяли.

Когда Завьялов снова пошел в кино, Снегирев решил сам посидеть за его спиной. Но это отказалось невозможным: Завьялов взял билет на последний ряд. Пришлось устроиться рядом с ним. В фойе Снегирев встретил инженера Воробьева с дочерью, с ними был и Зубенко. Когда заходили в зал, Снегирев увидел впереди Завьялова. На нем был темный вечерний костюм и светлый галстук на белоснежной сорочке. Для демобилизованного Завьялов слишком быстро обзавелся хорошими вещами. Он шел впереди, держа руки за спиной, и пощелкивал пальцами, словно дразнил.

Подполковник сидел рядом с ним, смотрел на экран и ловил каждое движение радиста.

Перед самым началом сеанса к кинотеатру подошло несколько автомашин: коричневый фургон с белой полосой, две крытые машины зеленого цвета. В одной из них находился Кондратьев.

После киножурнала в зале зажегся свет. Завьялов безразличным взглядом скользнул по

рядом и устроился поудобнее, облокотившись на левую ручку кресла. Минут через семь после начала сеанса он потянулся рукой к правому уху и после этого ладонью провел по лицу, движением, которым проверяют, насколько отросла борода. Руку опустил на колени, но через минуту сунул ее в карман. В таком положении просидел минут пятнадцать, никак не реагируя на то, что происходило на экране. Сидел и смотрел. И не двигался. Но это только казалось. Снегирев тоже оперся на левую ручку кресла, а правую положил на колени. Незаметно кончиками пальцев прикоснулся к рукаву пиджака Завьялова. Рукав чуть заметно вздрагивал. «Работает на портативной рации, которая умещается в кармане, — отметил Снегирев. — Вот почему он тянулся к уху. Вставляет миниатюрный капсуль. Принимает и передает тому, кто тоже находится здесь же, в зале. Удобный и безопасный способ связи. Вернее, был безопасный...»

Минут через десять Завьялов снова поднял руку к уху и потом, сунув ее в карман, поправил что-то, должно быть, запрятал невидимый в темноте проводок. После этого сел нормально и больше ни к уху, ни в карман не тянулся.

После сеанса Снегирев быстро прошел к выходу и сел в машину, которая ожидала его. Спецмашины уже ушли.

Кондратьев и те, кто находился в этих машинах, сидели в кабинете Снегирева и обменивались впечатлениями об операции. Подполковник, войдя к ним, понял, что они выяснили кое-что важное.

— Ну, как? Не напрасно стояли?

— Не напрасно, — за всех откликнулся Кондратьев.

— Рассказывай...

Снегирев сел за стол, достал припасенный заранее план кинотеатра. Все придвинулись к нему.

— Машины поставил здесь и здесь, — говорил майор. — На четырнадцатой минуте после начала сеанса капитан Игнатов обнаружил работу станции. Слышимость очень слабая. Игнатов, включите магнитофон.

Невысокий плечистый капитан подошел к отдельному столику, на котором стоял магнитофон и включил его. В кабинете раздалось тоненькое попискивание маломощной радиостанции.

— Обнаружили, правда, конец передачи, — заметил майор и стал читать вслух радиограмму: «...дание. Центр ответил, что указание будет передано дополнительно, после выяснения ценности полученных сообщений. Указание двадцать шесть остается в силе. Да хранит вас бог». Работа второго засекречена, он только принимал, но не отвечал. И тут обезопасил себя от возможного провала.

— Но и то, что мы узнали, большое дело, — заметил Снегирев. — Сработали оперативно. А мне уже, видимо, не стоит повторяться. Я тоже убедился, что Завьялов работал на портативной радиостанции. Он настолько чувствует себя в безопасности, что работает открытым текстом, шифруя только самое необходимое... Надо отдать должное его технической оснащенности. Подобный способ связи выявлен у нас здесь впервые. Кроме того, мы теперь точно знаем, что Завьялов здесь не один. Я уверен, что второго мы выявим в ближайшие дни. Мощность этой новой станции очень мала, а следовательно, ее невозможно запеленговать дальше, чем за сто метров от работающего. На этом и строилась безопасность связи Завьялова с его сообщником. Если взять во внимание, что связь с центром проводит только Завьялов (другой работы наша служба в этом районе не обнаруживала), то напрашивается вывод, что Завьялов — связник, второстепенная фигура. Пока непонятно, что такое «двадцать шесть»; Может быть это задание «Скорпиону»?

И добавил:

— Но на сегодня хватит. Пора отдохнуть. Завьялова по-прежнему не выпускать из-под наблюдения. Мне кажется, он в последние дни должен что-то предпринять, не напрасно же он дважды держал связь со своим резидентом. Кроме того, нам известно, что какой-то человек незаконным путем пытался достать пропуск на завод. Это одно, но не нужно забывать, что

кое-какие сведения о стройке просочились за границу. Враг действует, и нам надо найти его и обезвредить. Это и является нашей задачей на ближайшие дни.

## Поиски тайника

На следующий день вечером Снегиреву доложили, что Завьялов направляется за город: стоит на остановке и ждет автобус на рыбозавод. Это как раз в той стороне, где он высадился с лодки.

Снегирев приказал: ни в коем случае не выявляя себя, проследить, куда направляется Завьялов, и, если он идет к тайнику, где оставил свое снаряжение, в последний момент спугнуть, чтобы проверить содержимое тайника.

— Мне думается, что он пробирается к своему тайнику, — заметил Снегирев Кондратьеву, положив трубку телефона. — Ты можешь спросить, почему я думаю, что к тайнику. Завьялов не мог нести в город свое шпионское снаряжение, это понятно и школьнику. Но он здесь находится уже больше полмесяца, и так или иначе ему что-то должно понадобится. Мы знаем, что он снабжен коротковолновой радиостанцией, на которой работал в день высадки. Логично я рассуждаю?

— Вообще-то логично. Но здесь трудно гадать.

— А мы должны гадать. Должны сопоставлять, проверять свои догадки. Отбрасывать можно только то, что проверено тщательно и всесторонне.

— Я согласен с этим. Но что же нам даст его тайник?

— Может быть, там есть такое, что поможет нам напасть на след «Скорпиона». Дело наше движется тихо. Я не хочу сказать, что ничего не сделано, но след «Скорпиона» не найден.

— Но мы уже установили, что он существует. Полдела сделано.

— Наиболее легкая половина.

...Вслед за автобусом двинулась зеленая «Волга» с кубиками на дверце. Километра за два от ручья Завьялов вышел из автобуса. Его обогнала «Волга». Остановившись за ближайшим поворотом, она высадила двух человек и умчалась дальше.

Завьялов несколько раз останавливался на обочине ждал, не покажется ли еще какая машина или пешеходы, затем, не спеша, шел дальше. Вот и поворот к ручью, к нему даже протоптана тропка, здесь часто останавливаются машины и шоферы заливают воду в радиаторы. От ручья Завьялов свернул в сторону и направился вверх по склону сопки. Склон был безлесный, кое-где поросший кустарником, пройти по нему незаметно было невозможно.

Перевалив сопку, Завьялов по противоположному склону спустился вниз и, сделав петлю, снова вышел на дорогу. Дождался обратного автобуса и уехал в город. Вечером Князев сидел у Снегирева и докладывал о результатах наблюдения.

— Значит, он все же обнаружил за собой слежку, — заметил подполковник.

— Это невозможно, Владимир Сергеевич. Просто он хотел проверить, нет ли за ним «хвостов». В городе это сделать трудно, вот он и предпринял эту вылазку.

— Вы думаете? Возможно. Но почему он поехал в ту сторону, откуда пришел, а не в обратную? Например, к пионерскому лагерю или в сопки? Может быть, хотел попутно посмотреть, все ли в порядке в непосредственной близости тайника?

— Может быть.

Снегирев развернул на столе карту города и его окрестностей и склонился над ней.

— Двигайтесь ближе. Вот смотрите... красной полосой отмечен путь агента. Крестиком, откуда он ушел из-под наблюдения. Нарисуйте путь его прогулки сегодня.

Князев взял синий карандаш и обвел им путь следования Завьялова. На карте он прошел рядом с крестиком и сделал петлю в другую сторону от дороги.

— Здесь «гость» с лодки был под наблюдением, — заметил Снегирев, ведя карандашом вдоль красной линии до крестика. — Значит, спрятать ничего не мог. Вы подтверждаете это, Князев?

— Да, подтверждаю.

— В город нести свое снаряжение он тоже не мог. Выходит, что его тайник должен находиться между крестиком и чертой города, по всей вероятности, недалеко от дороги. Вот, в этом районе, — Снегирев замкнул овальную петлю, в которую попал ручеек, участок дороги до города и склон сопки, на которую поднимался Завьялов. — Здесь его тайник. Завтра с утра организуем поиски. Мы обязаны его найти. Вам, Князев, задание: если Завьялов завтра снова предпримет попытку поехать туда, сорвать ее любым способом, конечно, не выявляя слежки. Понятно?

— Так точно, товарищ подполковник.

Весь следующий день сотрудники Снегирева, разбив участок, отмеченный на карте, на более мелкие, исследовали их вдоль и поперек, но тайник не обнаружили. Руководил поисками Кондратьев.

— Не нашли, — доложил он поздно вечером Снегиреву.

— Очень плохо. Завтра снова искать. Тайник должен быть найден. В нем есть металлические предметы, это несомненно, возьмите саперные щупы для поиска мин.

— Ясно. А что сейчас Завьялов?

— Гуляет с девушкой по набережной. Продавщица универмага.

— Начал обзаводиться знакомыми? Или жениться надумал?

— А что, этот ход возможен. И, может быть, так он и должен поступить по данной ему инструкции. Обзавестись семьей, войти в доверие. Он пока ничего не предпринимает враждебного нам. Выжидает. Почерк, перенятый американцами у немцев.

— Девушка подозрений не вызывает?

— Нет. Встречи носят явный характер отношений между молодыми людьми. Но присматривать за ней мы будем, мы обязаны оградить граждан от возможной опасности. Кто знает, с какими целями он встречается с ней? Может быть, попытается завербовать ее своей помощницей, а она откажется и, пожалуйста, — ее жизнь под угрозой.

— Вы уверены, что ту девушку убили, — спросил Кондратьев.

— Уверен. Сделал это «Скорпион». Только пока еще не ясно, в чем он ее заподозрил.

— Значит, отпадает необходимость задерживать здесь лейтенанта Рязанцева?

— Нет, он еще понадобится, чтобы выяснить некоторые обстоятельства убийства, когда возьмем «Скорпиона».

В дверь постучали.

— Да, — ответил Снегирев.

Вошел дежурный по отделу и доложил:

— Товарищ подполковник, старший лейтенант милиции привез к вам человека, он такую вещь рассказывает... Вы его выслушайте.

— Пригласите.

Дежурный ввел в кабинет Никаноровича, хозяина дома, в котором проживал Зубенко. Старик опасливо остановился возле двери, оглядывая находившихся в кабинете, и не знал к кому обратиться. Поздоровался со всеми:

— Здравьете...

— Здравствуйте, — ответил Снегирев. — Проходите, пожалуйста, садитесь.

— Да я ничего. Я здесь...

Подполковник вышел из-за стола, провел Никаноровича к дивану и усадил его. Сам сел рядом на стул.

— Слушаю вас.

— Да я вот уже обсказал товарищу... мильцинеру. Тут дело, значит, такое... Может еще и напраслину горожу. Мы во время войны в Белоруссии проживали. Такое дело. В Щеглах. Село большое. Так вот всякого натерпелись под немцем. А был там один полицаи — много горя принес народу...

— Как его фамилия?

— Да вот по старости запомнил. И старуха никак не вспомнит. Такое, значит, дело... Выслеживал этот полицаи советские власти и доносил немцам. Щегловского секлетаря по его

доносу расстреляли. Вместе с ним и жену, стало быть. Детишек в Германию отправили. Да еще много от его подлой руки полегло. Инженер ТЭЦа обличьем — ну точно он. Только старше стал, глаже. Сытый, культурный. Как встретил на улице первый раз, аж ноги подкосились, стало быть... Проверьте уж. Такое дело. Я, стало быть, на всякий случай. Мало ли бывает.

— Хорошо, товарищ...

— Сугробовы мы, — поспешно подскочил Никанорович.

— ...товарищ Сугробов. Мы проверим. Выясним и сообщим. А вы пока никому ни слова про наш разговор. Хорошо?

— Ну да я. Почему же... Как в могиле.

Снегирев записал адрес, по которому проживал Никанорович в Белоруссии, и отпустил его, пообещав вскоре вызвать.

— Вот какие дела, — заметил Снегирев, когда они остались одни с Кондратьевым.

— Он что, спятил? — удивился Кондратьев. — Воробьев. Инженер. Ошарашил старик.

— Не спеши с выводами, Романович. Проверим, выясним. И меня удивил этот товарищ. И, честно признаться, я сам далек от мысли подозревать Воробьева...

На следующий день поиски тайника продолжались. Завьялов в этот день отдыхал после смены и около одиннадцати дня снова направился за город. День был будний, и за город ехало мало. Он подждал автобус на остановке, и тут к нему привязался пьяный. Завьялов отошел в сторону, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, но пьяный увязался за ним. Он цеплялся за темный рабочий пиджак Завьялова и говорил заплетающимся языком:

— А, ты брезгуешь. Мы не по тебе...

— Да отстань. Чего ты привязался?

— Сам привязался.

Пьяный взмахнул рукой, но Завьялов перехватил ее и оттолкнул человека от себя, он упал. Встал и снова полез на Завьялова. К ним подошел мужчина из очереди и напустился на пьяного. Сюда же с улицы свернули несколько дружинников с милиционером.

— В чем дело? — спросил старшина милиции.

— Да вот — привязался... Налакался с утра пораньше.

— Пройдемте с нами. И вы и он, — указал старшина на пьяного и на Завьялова.

— А я при чем здесь? — возмутился радист.

— Разберемся, товарищ. Идемте с нами.

Задержанных доставили в отделение милиции, и там им пришлось ждать около часа. Потом проверили документы у Завьялова и, извинившись, отпустили его, а пьяного задержали. У Завьялова пропала охота ехать за город, и он вернулся домой удовлетворенный хотя бы тем, что его документы в полном порядке. В конце концов, передачу «Скорпиона» он может переложить в другой тайник, известный ему, и через несколько дней.

За городом возле дороги люди Снегирева в это время обследовали каждый квадратный метр местности, указанной подполковником. И вот один из них с минерским шупом наткнулся в кустах орешника, совсем недалеко от дороги, на тайник Завьялова. Его достали и тут же привезли Снегиреву. В рюкзаке с коричневыми ремешками находилась коротковолновая рация, коробка с патронами к пистолету «ТТ», порошки «Анольф», медикаменты, деньги и небольшие, наглухо запечатанные пакеты в полиэтиленовой пленке.

— Упакуйте все это, — приказал Снегирев. — Я вылетаю в управление.

Через несколько часов подполковник сидел в кабинете начальника управления и докладывал о положении дел в Береговом. Начальник, высокий, моложавый, в сером штатском костюме, внимательно слушал Снегирева, делая пометки в блокноте. Иногда задавал вопросы.

Потом заметил:

— Я думаю, вам поможет вот эта вещь. — Начальник достал из стола небольшую папку, открыл ее и придвинул Снегиреву. — Это — предатели Родины. Может быть, среди них найдете знакомого.

Быстро перебрав фотографии, Снегирев остановился на одной из них.

— Да, нашел... этого знакомого.

На снимке был Завьялов в солдатской форме. Выглядел он здесь несколько моложе, но узнать его можно легко. Снегирев прочитал на обороте: Леонид Зонов...

— Значит, этот самый Завьялов — он?

— Да, он.

— Можете взять его дело с собой.

Вскоре принесли исследованное содержимое тайника Завьялова. Интерес представляли только пакеты, заключенные в полиэтилен, и шифр для радиообмена. Пакеты изъяли и отправили на экспертизу, заменив их точно такими же.

Провожая Снегирева, начальник управления сказал:

— До свидания. Жду доклада, что «Скорпион» обезврежен.

— Будет выполнено.

Следующей ночью содержимое тайника было возвращено на место. За тайником было установлено круглосуточное наблюдение. Кольцо вокруг «Скорпиона» сжималось.

Через неделю Никанорович снова сидел в кабинете Снегирева. Подполковник сказал ему:

— Мы проверили, Петр Никанорович, ваше заявление. Могу сказать, что вы ошиблись. Товарищ Воробьев — уважаемый в городе человек. В Щеглах никогда не был, не был и в Белоруссии. Это установлено точно. Видимо, он просто похож на того человека. Так что ваше подозрение не обосновано.

Никанорович вскочил с дивана.

— Да вот так. Как же это? Старый лешак. Нагородил на человека... Вы уж извиняйте старого. Говорил я старухе, может не он. Настояла она, чтобы пошел в милицию. Столько годов прошло. Ошибиться-то... Такое дело...

— Ничего. Что пришли — правильно сделали. Такие дела требуют проверки. Как говорится: семь раз проверь — один раз отрежь.

— Так оно. Конечно, дело такое... Извиняйте еще раз. До свиданьяца.

Старик заспешил к двери. Снегирев вышел за ним и сказал дежурному, чтобы проводили его.

«Правильно поступил старик, — мысленно одобрил подполковник Никаноровича. — Такие вещи следует проверять. Нет, нет да и выявится нечисть, оставшаяся со времени войны».

## «Скорпион»

Ступак получил легальный и удобный выход из положения: ему удалось устроиться на строительство завода — на установку электрооборудования. Лучшего нельзя было и желать. Поэтому отпала необходимость доставать пропуск нелегальным путем. Притом этот бригадир Козлов совсем не внушал доверия. Слишком он смело и независимо держался. Ступаку казалось, что он так и не сумел его запугать. Встречаясь с бригадиром на стройке и глядя на кепку, которую тот целую неделю носил козырьком назад, Ступак в душе смеялся над ним. Через неделю бригадир вообще выбросил свою кепку.

На работе Ступак присматривался, к людям, оценивал обстановку, обдумывал, как удобнее и безопаснее выполнить задание хозяев.

В аппаратном зале уже монтировали распределительные щиты, устанавливали электроаппаратуру, оборудование, пульта управления. В вырытую от ТЭЦ траншею уложили кабель и завели его к щитам в аппаратном зале. Траншею пока еще не засыпали.

Монтажникам больше всего доставалось с прокладкой кабеля по каменным стенам, в которых приходилось долбить дополнительные отверстия, забивать в них пробки и по ним уже крепить кабель. Когда Ступак устанавливал щиты, пришла мысль оставить после себя «память», да такую, чтобы игра стоила свеч. Но прежде необходимо сфотографировать

чертежи, которые, как удалось ему выяснить, хранились в несгораемом сейфе главного инженера.

Несколько раз Ступак после смены оставался на территории стройки. И в тот вечер после работы он забрался под стапель и стал наблюдать за конторкой. Обычно дольше всех задерживалась на работе Ольга Воробьева, и сейчас ее голова виднелась за освещенным окном в кабинете главного инженера. Часа через полтора она закрыла сейф и вышла из здания. У стапеля Ольга остановилась. Здесь ее участок, работы — Ступак это знал. Ольге показалось, что отверстия в бетоне не соответствуют размеру, а ведь она сама замеряла опалубку их. Неужели сбили? Она положила сумочку и ключи на край траншеи и подошла к площадке. Увидев перед носом ключи, Ступак вспотел. Ольга стояла к нему спиной и что-то рассматривала, потом выпрямилась, вернулась, взяла сумку.

Ступак осторожно заворачивал в носовой платок пластик, на котором отпечатались ключи и круглая печать.

Через минуту Ольга и, видимо, кто-то из секретной части прошли в конторку: осматривали печати. Затем Ольга ушла через проходную.

Целую ночь потратил Ступак, чтобы выточить ключи по слепкам и на старой печати для пакетов сточить номер и выбить другой. Еще раньше он изготовил несколько реле, которые нужно было поставить в электросхему пульта управления. Он принес их на территорию стройки и спрятал.

В тот день он позвонил домой и предупредил, что останется работать на ночь, надо закончить кое-какие дела. Дома к его ночным дежурствам уже привыкли. После работы опять задержался на стройке дольше всех и просидел в укромном уголке до темноты. Фотографировал чертежи при электрическом свете в туалетной комнате, которая не имела окон. Вся операция заняла около полутора часов. Уже перед тем как уходить, нечаянно задел стопку чертежей, они упали и перепутались.

Перед четырьмя ночи он траншеей пробрался к забору. Ровно в четыре свет на территории на минуту погас. Ступак проскользнул между досками, загораживающими выход, пробежал по траншее, выбрался наверх за бугром возле ТЭЦ, и, когда снова загорелся свет, он был уже в переулке. Направился домой. Завтра рано вставать, надо хоть немного отдохнуть.

В аппаратной с работами спешили, отставать было нельзя: монтажники взяли обязательство сдать ее к сроку. Некоторые узлы и щиты были уже смонтированы, их можно было опробовать. В одном из щитов Ступак, вместо настоящих, поставил два своих реле. Их обмотки были рассчитаны таким образом, что вскоре они должны сгореть. Тогда замкнутся контакты, подающие высокое напряжение на механизмы стапелей. Неожиданно заработают моторы и лебедки, удерживающие корпуса судов на стапелях. И все это рухнет. Авария. Потом пусть ищут причину.

В бригаде монтажников работал инженер Сомов. Дотошный и любознательный, он у всех спрашивал, что, как, да почему, и все проверял сам. Ступака несколько раз бросало в дрожь, когда инженер начинал возиться возле щита в углу. Если обнаружит там нестандартные реле, конечно, заинтересуется ими и поднимет шум.

Ступак возился в другом углу и лихорадочно обдумывал, как отделаться от инженера. Щит, который устанавливал Ступак, весил больше ста килограммов и был укреплен на болтах невысоко от пола. Он открутил гайки и позвал инженера.

— Борис Маркович! Подойдите, пожалуйста.

Сомов подошел к щиту. Ступак возился с концами кабеля между стеной и щитом.

— Возьмите эти концы и продерните их к себе.

Инженер просунул руку в отверстие и взялся за провода. Ступак нажал на щит, он сорвался с болтов и упал инженеру на ноги. Тот вскрикнул, но тут же прикусил до крови губу и больше не издал ни звука. Щит подняли, и инженер начал падать, но его подхватили на руки. Минут через десять приехала санитарная машина и увезла пострадавшего в больницу. Ступак переживал больше всех.

— И черт меня дернул позвать его. Надо было сначала проверить крепление... Какое несчастье.

— Кто крепил щит? — спросил кто-то.

— Мы с ним и крепили. Вернее, не крепили, а насадили на болты. А гайки навернуть совсем из виду выпустили. Надо же такому случиться.

Возвращаясь домой, Ступак думал с удовлетворением: «Ничего, обошлось. Некому теперь будет лезть куда не нужно. А нагнал страху этот Сомов. И что ему надо? Почему вдруг перепроверяет монтаж? — Ступака обожгла догадка: — Может быть, он специально подослан? Поэтому и вынюхивал, выслеживал... Но кого? Неужели его, Ступака. Но откуда о нем знают? Он столько лет здесь живет — нет, не может быть. Просто, видно, такой уж человек, этот Сомов. Когда он, Ступак, пришел на стройку, Сомов уже работал здесь. После прихода Ступака туда никого не брали. Отпадает то, что Сомов специально подослан, не могли же органы угадать наперед, что Ступак будет здесь работать. Нервы, видно, сдают».

В тот же вечер Ступак принял от центра радиogramму. Его спрашивали, скоро ли будет выполнено задание, и предлагали после его выполнения сменить место жительства и устроиться в краевом центре, где ему предлагали работу. Ступак уже задумывался о том, скоро ли кончится срок его нахождения здесь. Слава богу, заработал себе на остаток жизни. А он не такой и большой, этот остаток. Пора на отдых. Но хозяева что-то не заикаются об этом. Сколько же они думают загребать жар его руками. Покинуть Береговой... Значит, еще какое-то задание. Надо оговорить, что оно будет последним, это новое задание.

## Кто открывал сейф?

Ольга вернулась с работы рано и была чем-то сильно удручена. Она молча поужинала, односложно отвечая на вопросы матеря. Это ее необычное состояние, не могло остаться незамеченным.

— Оля, у тебя неприятности?

— Да нет, мама, все в порядке.

«Скрытничать стала, — подумала мать. — Может быть это связано с Николаем?» Она видела, что Ольга увлечена офицером. Но дочь рано или поздно поделится с ней, как делится всем, что ее волнует. С отцом, хотя он и не родной, она даже откровеннее. Оба инженеры, много общего по работе. Выросла дочь. Летит время...

Отец, как и обычно, вернулся поздно. Ольга сидела над книгой, но не читала. Мать вышла к соседям. Воробьев, собираясь бриться, подшучивал над дочерью:

— Я тоже, влюбившись впервые, ходил задумчивый и грустный. Таился от родителей и был уверен, что никто ничего не замечает.

— Дело совсем не в этом...

Ольга отложила книгу, взглянула на отца, который сидел напротив ее и брilsя.

— А в чем?

— Отец, ты бывал в управлении стройки? Там в сейфе хранятся документы: чертежи, эскизы, сметы и прочее. Так вот мне кажется, что этот сейф кто-то открывал недавно.

— Когда?

— Позавчера ночью.

— Сейф разве не закрывается?

— Закрывается и опечатывается.

— А почему тебе это кажется?

— Я сама складывала чертежи и хорошо помню, что сверху лежал седьмой лист. Сегодня утром открыла сейф и обнаружила, что листы лежат не в том порядке.

— Не переживай и не отчаивайся напрасно. Ты просто забыла, как лежали листы. Ты никому не говорила про это?

— Нет.

— Из сейфа пропало что-нибудь?



— Нет. Я проверила — все на месте.

— Ну, если на месте, я повторяю, что ты просто ошибаешься. Кто полезет туда, чтобы перевернуть твои листы? Территория охраняется, посторонних там нет.

— Я думаю, что надо заявить об этом...

— Заявить. Ты представляешь, что наговоришь на себя? Дело не стоит и выеденного яйца, а начнут тебя таскать туда-сюда: что, как, да почему? Поднимешь панику, оторвешь от дела занятых людей. Ты же взрослый человек, должна представлять, что за это по головке не погладят. Я думаю, что такую глупость ты не сделаешь. Этим ты расстроена?

— Да.

Воробьев уже кончил бриться и, смазывая лицо кремом, продолжал:

— Напустила сама на себя хмару. Ходишь, переживаешь из-за ничего. Раздуваешь из мухи слона. Брось думать об этом и не расстраивайся напрасно. Попасть в зону из посторонних никто не может, тем более залезть в закрытый и опечатанный сейф. Печать не сорвана была?

— Нет.

Воробьев сложил и убрал прибор. Ольга низко склонилась над столом и разглаживала рукой узорчатую скатерть. Отец искоса взглянул на дочь. Переживает, принимает близко к сердцу все неприятности. Он спросил, чтобы отвлечь ее от дум:

— Я что-то Николая в последнее время не вижу.

— Занят на службе. Мы вообще редко видимся.

— Не может выбрать времени забежать на минутку?

— Он мне иногда звонит.

— Олюша, а что за человек к Ершовым приходит? Тот, с которым я в шахматы играл? Невысокий, седоватый...

— Я не знаю. Наверно знакомый. Ершovy — люди общительные, у них часто гости бывают.

— А Коля с ними не знаком?

— Не знаю. Я их никогда вместе не видела, кроме того раза в кинотеатре. Папа, скажи прямо, тебе Николай нравится? Что-то ты все к нему присматриваешься?

— Так-таки прямо и сказать?

— Я серьезно спрашиваю.

— Если серьезно — нравится. Мне кажется, он не глупый, самостоятельный парень. Образован, начитан. Во многих вопросах разбирается глубоко.

— Спасибо, отец. А то я не знала, одобряешь ли ты меня.

— В этом уж я на тебя полагаюсь. Ты его должна больше знать. А мать, я вижу, тоже рада за тебя.

Слова отца не убедили Ольгу, в душе у нее остался какой-то нехороший осадок. Почему отец считает, что об этом не надо говорить? А если она своим молчанием совершит огромную ошибку? Кроме отца, она ни с кем не говорила о случившемся, да и с кем, как не с ним, могла она поделиться в первую очередь? И вот он или не понял, или смотрит на эти вещи совсем по-другому, как-то странно смотрит. Могла бы Ольга поделиться своими думами еще с одним человеком, который, конечно, понял бы ее правильно.

Отец ушел по делам, собралась уходить и Ольга.

Увидев на улице телефон-автомат, Ольга решила позвонить Николаю, знала, что он сейчас на дежурстве. Она вошла в будку и набрала номер. Ответил Николай.

— Коля, здравствуй. Это Ольга. Ты очень занят? К проходной не сможешь выйти? Сможешь? Мне нужно с тобой поговорить. Я сейчас подойду туда.

Николай вышел через несколько минут. Он с тревогой посмотрел в глаза девушки, не будет же она напрасно отрывать его от службы. Ольга взяла его под руку, и они отошли в сторону.

— Николай, извини, что я побеспокоила тебя. Мне надо с тобой посоветоваться. Позапрошлой ночью кто-то побывал у нас в сейфе, где хранятся чертежи. Не сказать об этом, видимо, нельзя, но я не знаю кому, как.

- Ты просто обязана это сделать, Оля. Мимо таких вещей нельзя проходить.
- Поэтому я и пришла.
- Иди вот по этому адресу... Скажи, что ты к майору Кондратьеву. Тебя сразу проведут к нему. Там и объяснишь все.
- Хорошо. Я сейчас же иду.
- Обрати будешь возвращаться, позвони мне. Хорошо?
- Позвоню.

Девушка попрощалась и ушла. Николай проводил ее взглядом и вернулся к себе. Оттуда он позвонил Кондратьеву и попросил выслушать Ольгу Воробьеву, которая вскоре подойдет туда.

Ольге показалось, что ее словно бы ждали. Дежурный офицер сразу же проводил ее и указал:

- По коридору, третья дверь направо.
- Кондратьев пригласил ее сесть и сказал:
- Слушаю вас, Ольга Трофимовна.

Девушка посмотрела на молодого майора и удивилась: они никогда не встречались, откуда он ее знает? Она рассказала подробно то, о чем говорила с отцом и Николаем. Кондратьев спросил:

- В сейф имеют доступ многие?
- Чертежами пользуются несколько инженеров, в том числе и я.
- Кто еще знает о том, что вы мне сейчас рассказали?
- Я советовалась с отцом — это инженер Воробьев и... с Зубенко Николаем.
- Они знают, что вы пошли сюда.
- Знает только Зубенко.
- Прошу вас, работайте, как и раньше. Прошу также не говорить никому о случившемся и о том, что вы были здесь. Даже и вашим родителям. Можете вы обещать мне это?
- Да, конечно.
- Вы правильно сделали, что пришли сюда.

Кондратьев проводил ее до выхода и поднялся на второй этаж к Снегиреву. Подполковник сидел за столом, перед ним лежало дело Зонова-Завьялова. Он взглянул на вошедшего и спросил:

- Что интересного сообщила Воробьева?
- Воробьева сообщила, что кто-то открывал сейф, где хранятся чертежи.
- Вот как?
- И мне кажется, что она не напрасно встревожена. По чертежам можно составить представление о заводе, его мощности, о выпускаемой продукции и прочее.
- Конечно. Введи меня в курс дела.

Кондратьев пересказал, что услышал от девушки, и добавил:

- Дело приняло серьезный оборот.
- Теперь ясно, что делал «Скорпион» на территории завода ночью. Его хитрое устройство в пульте управления, видимо, должно попутно навредить, дезорганизовать работу завода. А основное, конечно, эти чертежи. Говоришь, что это было позавчера?
- Да.
- Нам нужно поторопиться, чтобы чертежи не попали в чужие руки. Сегодня же разработаем план, как взять «Скорпиона» с поличным.
- Да, а пока за ним круглосуточное наблюдение.
- Надо установить наблюдение за Ольгой Воробьевой.

Кондратьев с удивлением посмотрел на Снегирева. Ясно же, что девушка здесь не виновата.

- Да, да. На тот случай, если ее попытаются убрать с дороги. А «Скорпион» на это способен.
- В этом вы правы.

— Завтра днем на территории стройки состоится митинг по случаю завершения строительства. Сегодня его принимает государственная комиссия. «Скорпион», конечно, будет там. В его отсутствие сделаем обыск на квартире, надо найти снимки чертежей, и арестуем его.

— Может быть стоит подождать еще немного. Должен же Завьялов передать пакет.

— Ждать уже не имеет смысла. Все данные в наших руках. Я сейчас позвоню прокурору и попрошу приготовить ордера. Ты заедешь за ними. Потом возьми с собой еще двоих, арестуйте Завьялова и сюда. Забери с собой Зубенко, поможет брат «Скорпиона». Детали его ареста обсудим вечером. Возможно, он вооружен и окажет сопротивление.

На столе зазвонил телефон. Снегирев снял трубку и нахмурился.

— Этого еще не хватало. Сейчас еду.

Он положил трубку на аппарат и встал из-за стола. Поднялся и Кондратьев.

— Капитан Князев доставлен в больницу в тяжелом состоянии. Завьялов скрылся. Бери машину и езжай на Портовую, где жил Завьялов. Я — к Князеву. Через полчаса встретимся здесь.

Они вошли во двор и сели в машины. Снегирев приказал шоферу:

— В госпиталь. Побыстрее.

Минут через семь он был в госпитале. Его провели к Князеву, который только что пришел в себя. Ему промыли и забинтовали рану на голове, которую нанес Завьялов. Князев был очень слаб, да и сообщить ничего определенного не мог. Снегирев пожал ему руку, лежавшую поверх одеяла, пожелал выздоровления и вышел. Он сравнительно успокоился — ранение не опасно, обойдется без операции.

Подполковник вернулся к себе. Ждать, когда Кондратьев сообщит результат осмотра места происшествия, было некогда. Снегирев направил несколько групп людей перекрыть дороги из города на случай, если Завьялов попытается улизнуть. Еще две группы были направлены — одна на железнодорожный вокзал, другая в морской порт.

Минут через пятнадцать приехал Кондратьев.

— Что там? — нетерпеливо спросил Снегирев.

— Князев час назад до звонка вам обнаружен лежавшим за углом дома, где жил Завьялов. Тот, видимо, раскрыл слежку. После этого побывал в квартире и ушел в неизвестном направлении.

— Бери людей и ищите его. Забери с собой Зубенко, он там больше не нужен. Позванивай мне, может быть Завьялова заметят на выходе из города.

## **Зонов замечает следы**

Еще несколько дней назад Завьялов почувствовал какую-то смутную тревогу. Порой ему казалось, что за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза. То на улице, когда он шел на работу или обратно, то в магазине или столовой. Он внезапно оборачивался, но ничего подозрительного не замечал. Если позволяло время, старался лишний раз проверить, нет ли за ним слежки. И слежки не замечал, а странное тревожное предчувствие не покидало его. С этой целью он и предпринял поездку за город, но ничего подозрительного там тоже не обнаружил. Вот только на второй раз — привязался этот пьяный... Но его сразу же отпустили, вернув документы. Тревога не покидала его да днем ни ночью. Иногда он просыпался в своей комнате, обливаясь потом: приснилось, что его выследили и хватают, то вечером ему казалось, что за дверью кто-то стоит. Он рывком распахивал ее — там никого не было.

«Нервы, что ли, сдают?» — думал он. Такого состояния он никогда себе не представлял — ежечасно, ежеминутно чувствовать на себе чье-то пристальное внимание, пугаться стука соседней двери, громкого разговора внизу на лестнице, равнодушного взгляда прохожего. Уже давно пора было пакет передать по назначению, но он все не решался поехать к своему тайнику.

В тот день, возвращаясь с работы домой, Завьялов свернул в сквер и сел на скамейку.

Хотел успокоиться, подышать свежим воздухом. Время было раннее, сквер пуст. Напротив за фонтаном сидела мамаша с ребенком, рядом стояла коляска. Чуть дальше парень и девушка — еще подростки — о чем-то оживленно беседовали. За кустами виднелся мужчина, он курил и посматривал в сторону бухты. Завьялов поднялся и вышел на улицу. Обошел сквер и вошел с другой стороны. Мамаша и парень с девушкой сидели на своих местах, а мужчины не было. Это насторожило Завьялова. Он побрел по городу, прикидывая, как удобнее еще раз проверить, нет ли «хвоста».

На пустынной загородной улице он сделал петлю вокруг квартала и вошел в булочную. Через окно наблюдал: «хвоста» не было.

Он взял сайку, завернул ее в газету и направился домой. Попутно зашел в магазин недалеко от дома, где брал продукты на утро и вечер. Почти сразу же за ним вошел невысокий мужчина. Его он уже видел, тот выходил из дома напротив. Завьялов нарочно задержался в магазине, чтобы мужчина ушел раньше. Он просто встал в угол и наблюдал. Мужчина прошел к кассе и выбил чек. Он ни разу не взглянул на Завьялова, но тот чувствовал, что он не выпускает его из вида. Тревога росла. Значит, все же за ним следят.

Завьялов вышел первым, не выдержали нервы. Да и что толку убеждаться лишней раз. Выходит, влип. Вот откуда эта тревога, страшные сны. А он-то был уверен, что теперь все позади, устроился на хорошее место. А может, все же нервы?

Дома Завьялов положил покупки на стол и снова вышел на улицу. Надо точно убедиться, что за ним следят, а тогда уже предпринимать что-то. Совсем раскис, как девчонка.

С крыльца Завьялов увидел, что от дома уходит тот, кого он видел в магазине. Из дома напротив вышел еще один человек в темном неброском костюме и направился в ту же сторону. Завьялов сделал вид, что забыл что-то дома, и повернул обратно. Что они обложили его со всех сторон, что ли? Он окинул взглядом безлюдный двор и встал за углом, приготовив пистолет. Когда мужчина вышел из-за угла, он ударил его рукояткой, и, подхватив, оттащил к стене. Затем быстро поднялся к себе. Забрал деньги и бумаги, снова спустился вниз, но пошел не к двери, а к окну, выходящему на детскую площадку. Осмотрелся, вылез и дворами направился в сторону сопки. Надо было немедленно спрятаться и переждать хотя бы несколько дней.

Лейтенант Рязанцев получил ответ на свой рапорт о переводе. Ему предложили службу на Северном флоте. Согласился без колебаний. Оформив документы, решил попрощаться с городом, навестить памятные места. Поднялся на сопку: хотелось побыть наедине со своими мыслями. Его первая и настоящая любовь не забывалась, не тускнела...

Лейтенант постоял на площадке. На этом месте провела последние минуты своей короткой жизни его Надюша. Перед ним расстилался залив, тихий, спокойный, четко ограниченный вдали мысами. А дальше — море. Недолго он послужил здесь, но уже изучил некоторые морские дороги, полюбил уютные бухты, берега, изрезанные и каменистые. Не думал, не гадал, что так скоро придется покинуть этот край.

На сопку торопливо поднимался кто-то. Рязанцев опустил на камень, не хотелось, чтобы его видели.

Завьялов перевалил каменистую вершину сопки и остановился возле кустов орешника. Оглядевшись по сторонам, достал пистолет и стал протирать его платочком. Даже издали Рязанцев увидел на нем яркие красные пятна. Так вот почему тот оглядывался и так торопливо поднимался на сопку. Здесь дело нечисто. Что он натворил и куда удирает?

Завьялов спрятал платок в орешнике и стал спускаться по противоположному склону, видимо, направляясь в сторону пионерского лагеря. Он предпочитал идти по лесу, не выходя на дорогу, огибавшую извилины берега. Рязанцев укрепился в своем подозрении и, скрываясь за деревьями, направился вслед за ним. Завьялов шел очень быстро. Так они почти пробежали около десятка километров. Рязанцев взмок. Он расстегнул китель, Человек не останавливался, словно задался целью вымотать и лейтенанта и себя.

Надо было как-то сообщить в органы, но и бросить погоню нельзя. Попробуй его потом

найди. А если он совершил преступление, значит, думает скрыться.

Поставив на всякий случай пистолет на предохранитель, Завьялов чуть сбавил шаг, пошел в сторону пионерлагеря. Где он будет прятаться, он еще не решил, но подальше от города. Он переждет где-нибудь в безопасном месте, пока схлынет горячка, а потом сумеет связаться с центром. После этого ночью выйдет в нейтральные воды, и там его подберут. Место и сигнализация условлены заранее.

Часа через два с лишним Завьялов подходил к пионерскому лагерю. Его надо было обойти стороной, чтобы выйти к рыболовецкому совхозу. Но увидев на берегу лодку, он передумал. Лучше переправиться на ней на один из островков, что зеленеют напротив. Там-то его не вздумают искать, да и он сможет следить за подходами и вовремя спрятаться. Завьялов спустился к берегу и, не выходя на открытое место, некоторое время осматривался. Берег безлюден, лишь со стороны лагеря доносятся детские голоса. Он вышел из кустов и направился к лодке.

Рязанцев понял, что человек сейчас воспользуется ею, чтобы удрать водой. Ну, пусть воспользуется. Лейтенант стороной обошел его и направился к лагерю, домики которого виднелись сквозь зелень деревьев. Там он найдет возможность связаться с городом.

В лодке не оказалось весел, но Завьялов знал, что они должны быть где-то невдалеке. И вскоре нашел их в траве. Он перенес весла в лодку и столкнул ее на воду. И тут увидел двух мальчишек. Несет их нелегкая!

Мальчишки подбежали и остановились невдалеке. Один из них черный, худощавый, был очень похож на Ершова, и Завьялов понял, что это Толя, отдыхающий в лагере. Узнал или нет? Кажется, нет...

Завьялов раздумывал: что делать? Ребята могут потом рассказать то, что видели. Время терять тоже нельзя.

Черноглазый мальчик несмело попросил:

— Дядя, прокати на лодке.

Завьялов прикидывал. Прокатить? Это можно... Отвезти подальше и... Чтобы ни одна душа не знала, где он.

— Полезайте быстро.

Мальчишки с радостью забрались в лодку и устроились на корме. Завьялов вставил весла в уключины, и лодка стала удаляться от берега.

Ребята наслаждались прогулкой и весело переговаривались.

— А в лагере вас не хватятся? — спросил Завьялов.

— Не-е. У нас сейчас прогулка, — откликнулся рыжеволосый мальчишка.

Вскоре ребята, видя, что лодка все дальше и дальше уходит от берега, забеспокоились.

— Дядя, а вы обратно скоро?

— Что, уже надоело кататься?

— Да нет... Только вы далеко уходите. Домики вон уже еле видно. Пока доберемся обратно, так нас потеряют.

— А вы со мной не бойтесь. Еще немного пройдем и повернем назад. Будете потом перед мальчишками хвастать, что так далеко уходили.

Ребята притихли, ожидая, когда лодка развернется назад. Но дядька все дальше и дальше гнал ее от берега. Мальчишки захныкали:

— Дяденька, зачем так далеко? Мы боимся...

Завьялов прикрикнул на них:

— Сидите тихо. А не то повыбрасываю, как котят.

Ребятишки совсем присмирели. Размазывая по щекам слезы, с мольбой смотрели на сердитого дядьку. И зачем они напросились? От берега ушли так далеко, что назад никак не доплыть. Взрослому и то не под силу будет.

Завьялов осматривался вокруг и прикидывал, как удобнее расправиться с этими нечаянными свидетелями. Треснуть по голове веслом, да и за борт? Он взглянул на их заплаканные лица, и в его глазах мальчишки прочитали свой приговор.

Толя привстал и потянул к себе за руку своего друга.

— Сидеть и не шевелиться! — прикрикнул на них Завьялов, вытаскивая из уключины весло.

Издали послышалось постукивание мотора. От лагеря в сторону моря шел катер. Он находился уже на полпути к лодке. Завьялов снова вставил весло в уключину и направился в сторону от катера. Надо было выждать. Вернее всего катер идет по своим делам, его-то еще, конечно, не хватились. Пройдет, и тогда можно будет следовать дальше.

Катер шел в сторону лодки. На его носу стоял милиционер в синей куртке. Завьялов забеспокоился. Ребятишек, что ли, разыскивают? Давно надо было выбросить их за борт. Что раздумывал? Ах, черт! Он бросил весла и стал поджидать катер. Если что, так он успеет уложить там всех. Их человека три, не больше.

Катер выключил мотор и по инерции шел к лодке. Милиционер еще издали крикнул:

— Вы почему ребят увезли? Их же там потеряли.

Завьялов на всякий случай держал руку в кармане, сжимая рукоятку пистолета. Катер остановился возле самой лодки. Завьялов ответил:

— Они сами напросились. Прокатиться.

— Взрослый человек и делаете глупости. Уехали в такую даль.

Завьялов внутренне расслабился. Это не за ним. Но пацаны все же могут выболтать или начнут жаловаться, что кричал на них. Значит, надо обратно и сматываться куда-то в другое место.

Старшина опустил за борт трал и помог подняться ребятишкам. Когда они перелезли через леер, строго сказал:

— А ну, марш в каюту.

Они послушно юркнули за дверь.

— А вы поставьте чужую лодку на место, — сказал старшина Завьялову. — За это наказывают.

— Ладно, — отозвался Завьялов и облегченно вздохнул. Пока все обошлось.

Катер запустил мотор, и Завьялов взялся за весла, чтобы отвести лодку в сторону. Но тут старшина перемахнул леера и спрыгнул прямо на борт лодки. Она моментально перевернулась, и Завьялов оказался в воде. Когда он вынырнул, отфыркиваясь, то увидел на борту катера нивесть откуда взявшегося офицера. Он все понял и ринулся к старшине, который всплыл в стороне, чтобы хоть одного отправить на дно. Но лейтенант поднял причальный шест с крюком на конце и крикнул:

— Только посмей! Так и воткну в тебя этот гарпун.

Рязанцев подал шест старшине и помог подняться на борт. Потом они вдвоем вытянули Завьялова и на всякий случай связали ему руки и ноги.

Мужество и всякая воля покинули Завьялова, и он, привалившись к рубке катера, плакал. Слезы катились по мокрым щекам и сливались с каплями морской воды. Так глупо влип. Мальчишки, ничего не понимая, опасливо выглядывали из каюты. Рязанцев подошел к ним и спросил:

— Перепугались?

— Он хотел нас за борт выкинуть, чтобы не просились обратно, — заметил Санька.

Рязанцев посмотрел на Завьялова, который сидел, опустив голову. Спутанные мокрые волосы прилипли ко лбу, взгляд, как у загнанной собаки, которую прижали в угол. И хочет и боится ухватить. Такой мог бы и выбросить. Видимо, заметал следы. Ничего, сегодня разберутся, почему у него пистолет и куда он направлялся.

Когда катер подходил к деревянному причалу, на берегу остановился зеленый газик. Из машины вышли несколько человек в гражданских костюмах. Среди приехавших был майор Кондратьев. Он подождал, когда старшина и Рязанцев перебрались на причал, и сказал:

— Майор Кондратьев. По вашему звонку.

Завьялову развязали ноги и посадили в машину. Он узнал Зубенко, который часто бывал на узле связи, и понял, что за ним следили с первой его минуты появления здесь, на этой земле, которую он предал.

Кондратьев крепко пожал руки черноволосому лейтенанту и старшине милиции, на котором облипла мокрая форма, и сказал:

— С вами, товарищи, мы еще встретимся.

Рязанцев, смутно догадываясь о происшедшем, шагнул к майору и тихо спросил:

— Скажите, это не тот... который столкнул девушку со скалы?

Кондратьев ответил:

— Нет. Но тот человек тоже очень скоро ответит за все свои преступления. Вам в город нужно?

— Да... Но я доберусь.

— Ждите, я пришлю за вами машину.

Майор сел в газик, и он умчался в сторону города.

Завьялов сидел перед невысоким человеком в гражданском костюме. Ему часто, помимо желания, приходили мысли о том, как он заканчивает свою только что начавшуюся карьеру. Вопреки всем наставлениям инструкторов из серого коттеджа, не помогли их опыт и первокласснейшая техника. Не таким представлял себе Зонов конец жизни. Конец жизни. Смерть... Нет, только не это. Он все расскажет, все, что знает, он предложит свою помощь, он готов на все, но только бы жить. Жить!

Снегирев спрашивал:

— Что вас толкнуло на путь измены Родине?

Этот жалкий человечико, дрожавший только за свою собственную шкуру, с трудом выдавил из себя:

— Страх...

— Расскажите подробнее.

Зонов перевел дыхание, нервно потер руки о колени и стал рассказывать тихим, безжизненным голосом. У него постоянно перехватывало дыхание, он глубоко втягивал воздух, выпрямляясь на стуле. Но после этого плечи опять никли, голова клонилась вперед.

— Когда и где впервые вы услышали о «Скорпионе»?

Зонов поднял вопросительный взгляд на сидевшего перед ним человека.

— Я не слышал о таком.

— К кому вы сюда шли?

— Шел выполнять задание. Попутно нужно было передать кое-что.

— Кому?

— Я не знаю. Надо было оборудовать тайник и сообщить центру. Об остальном я ничего не знаю. Я все вам расскажу, прошу верить. Все, что знаю. Меня завербовали... Я много знаю...

Но встретив взгляд человека, сидевшего напротив, Зонов замолчал. Что он может рассказать? Чем удивит его? И грош цена всем его рассказам. Но выходит, взяли и того, кого так берегли там, за океаном. Эта догадка не принесла облегчения. За свои преступления будет отвечать только он. А так хочется жить. И никогда раньше он не чувствовал это так остро, как сейчас, здесь, в кабинете с широкими окнами, за которыми опускается ночь.

— Зачем вы совершили еще одно преступление, ударив человека возле вашего дома?

— Мне показалось, что он за мной следит. Я хотел скрыться.

— Для чего вы взяли с собой в лодку ребят?

Зонов вскинул тусклый, запавший взгляд и снова опустил голову. Имело ли смысл уваливать и врать? Бесполезно. Они знают каждый его шаг. Только откровенным признанием может он смягчить свою участь. Глухим, плохо повинующимся ему голосом он ответил:

— Хотел избавиться от них. Боялся, что они меня выдадут...

— Утопить?

— Да...

Если бы сейчас Зонов поднял взгляд, он увидел бы, с какой яростью смотрит на него этот пожилой и седой мужчина. Снегирев взял себя в руки. Сколько звериного в этой трусливой душе, если и на детей мог он поднять руку.

Перед подполковником лежала фотография Зонова в солдатской форме. Он снова положил ее в дело и закрыл папку. Позвонив, он встал из-за стола и направился к окну. Вошедшему дежурному, не оборачиваясь, сказал:

— Убрать.

Зонов тяжело поднялся. Сгорбившись, безвольно опустив руки, он вышел из кабинета.

## Конец «Скорпиона»

Минут через двадцать у Снегирева собрались офицеры его группы. Необходимо было наметить план ареста «Скорпиона». Подполковник никак не мог успокоиться от мысли, что чуть было не погибли подвернувшиеся под руки Зонова ребяташки. Насколько жесток и коварен враг. Ради собственной шкуры он готов предать и продать все на свете, уничтожить вставших на его дороге.

— Где сейчас «Скорпион»? — неожиданно спросил Снегирев, останавливаясь возле стола.

— Весь вечер находится дома, — ответил Кондратьев.

— Семья?

— Тоже дома.

— Завтра в первой половине дня на стройке состоится митинг по случаю окончания строительства. Там и возьмем «Скорпиона». Кондратьев в это время произведет обыск в его квартире и на электростанции. «Скорпион» при задержании может оказать сопротивление, поэтому быть бдительными. Как дела с пультом управления?

— Нестандартные реле заменены новыми, — ответил майор. — Больше ничего подозрительного при проверке не обнаружено.

— Понятно. Где сейчас Ольга Воробьева?

— Тоже дома.

— Со стороны «Скорпиона» ничего не замечено по отношению к ней?

— Пока нет.

— У кого есть вопросы? Нет? В таком случае можете отдыхать.

Утром территория между цехами на судостроительном была запружена народом. Возле двухэтажной конторы завода возвышалась импровизированная трибуна, обтянутая кумачом. На ней находились руководители стройки, завода, представители партийных и советских организаций города.

Снегирев находился в толпе строителей и наблюдал за празднично настроенными веселыми людьми. Они собрались отметить еще одну свою трудовую победу. Невдалеке от подполковника стояли инженер Воробьев и его дочь.

Митинг открыл главный инженер строительства. Он говорил, что завод сдан в эксплуатацию на месяц раньше срока. Государственная комиссия приняла его с оценкой «хорошо».

— Мы славно потрудились и сейчас вполне заслуженно отмечаем наш трудовой подвиг!

Толпа взорвалась аплодисментами. Подполковник увидел в толпе возвышавшегося над всеми Ивана Козлова. Он яростно бил в ладоши.

Воробьев огляделся вокруг и, увидев стоявшего невядалеке Николая Зубенко в гражданском костюме, стал выбираться из толпы, сказав что-то дочери. Ольга с улыбкой кивнула ему и осталась стоять на месте. Она была горда тем, что в этом строительстве есть и ее труд.



Когда Воробьев поравнялся со Снегиревым, подполковник спросил:

— Вы что, убегаете с митинга? Нехорошо.

Инженер, почувствовав, что к нему придвинулись люди, сделал попытку выбраться из толпы, не ответив Снегиреву.

— Не торопитесь. Сейчас будут зачитывать отличившихся на строительстве. Разве вам не интересно? А потом, вы мне нужны... поговорить по одному вопросу.

Инженер пожал плечами и остался на месте. Через несколько минут к Снегиреву подошли офицеры в форме. Майор Кондратьев шепнул, что в квартире «Скорпиона» обнаружена неотправленная микропленка со снимками чертежей и кое-что еще.

Воробьев искоса взглянул на них. Он понял, почему здесь находятся офицеры и эти, в гражданском, что внимательно следят за ним. Игра закончилась не в его пользу.

Снегирев приблизился к Воробьеву и сказал:

— А теперь пройдемте, гражданин Ступак. Нас ждет машина.

Воробьев, не опуская головы, пошел через толпу. Впереди, сзади и по сторонам шли люди Снегирева. Инженер сунул руку в карман, но тотчас почувствовал, как запястье обхватила чья-то крепкая рука.

— Осторожно, — насмешливо предупредили сзади.

Ольга вновь увидела отца и, радостно улыбаясь, — только что назвали ее в числе передовых, — пошла ему навстречу. Снегирев кивнул Зубенко. Николай остался на месте и подождал девушку. Когда она, не замечая его, проходила мимо, он окликнул ее:

— Оля. Одну минутку.

Николай взял ее под руку и вывел из толпы.

— Оля, твой... Воробьев арестован, — Николай не хотел, не мог назвать этого человека отцом, не повернулся язык.

— Как? За что арестован?

Ольга остановилась как вкопанная.

— Тебе нужно прийти вот по этому адресу. Там тебе все объяснят, — как можно мягче проговорил Николай. — Ты извини, мне нужно идти.

— Да, да...

До нее еще никак не мог дойти смысл сказанного Николаем. Арестован... Она не ослышалась. Сжав голову руками, она пошла следом за ушедшими. У проходной она увидела, что несколько машин свернули в улицу и умчались в сторону центра.

У себя в кабинете Снегирев спросил Николая:

— Как Ольга?

— Сами понимаете, как...

— Да. Но она сильная, волевая девушка. Узнает правду, легче перенесет. А ты вот что, до отлета побывай у своих хозяев и сообщи им, что они правильно опознали предателя. Объясни, что открывать это до поры — было нельзя. Поблаговари их, и пусть спокойно живут в своем доме. После этого езжай к тайнику и вези сюда его содержимое.

Сыну подполковник сказал:

— Ты, Алексей, бери машину и вези сюда электрика Сенцова, дирижера светом. Будет отвечать как соучастник.

Когда Алексей ушел, Снегирев словно бы про себя заметил:

— Конец «Скорпиона»...

Увидев все еще стоявшего в кабинете Зубенко, подполковник спросил:

— Ты что?

— Надо бы с ребятами увидеться, Владимир Сергеевич. Они сегодня или завтра приезжают из лагеря.

— Я думал, что ты через несколько дней будешь проситься сюда. У тебя же здесь дела...

— Да, буду.

— Тогда и увидишься с ребятами. А заодно захватишь им подарки. Да еще и планер за тобой. Забыл?

— Не забыл, просто некогда было.

— Можешь идти, и передай дежурному, пусть вызовет Кондратьева.

Майору Снегирев сказал:

— Поезжай, Глеб Романович, в штаб погранотряда, поговори с Рязанцевым, объясни, пусть он задержится здесь до завершения дела об убийстве его невесты. Я думаю, он не откажется.

— Хорошо, Владимир Сергеевич.

Поздно вечером специальный самолет поднялся с аэродрома Берегового.

Николай провожал глазами удаляющуюся цепочку огней и думал о судьбах людей, так или иначе соприкоснувшихся с грязным делом шпионажа и предательства, с подлостью и коварством. Бдительность этих людей во многом помогла сорвать маску с тех, кто своей целью ставил вредить делу строительства коммунизма в нашей стране.